

Людмила
ГЛУХАРЕВА

Марина
ИЛЬИНА

**Расчет
только
наличными**
или
**Страсть
по наследству**

Людмила Глухарева

**Расчет только наличными,
или страсть по наследству**

«Автор»

Глухарева Л.

Расчет только наличными, или страсть по наследству /
Л. Глухарева — «Автор»,

СЕНСАЦИЯ! Вы читаете книгу, которая исполнит ваше желание! Они – смешные до мозга костей мужчины и женщины. Женщины воюют, добывают трофеи, влюбляются и требуют справедливости. Мужчины используют женщин, рвутся к власти и жаждут денег. Казино, роскошные пляжи Ниццы, секс и криминал окружают героев романа, сражающихся с судьбой. На карту поставлены жизнь, деньги, любовь! Кто же окажется победителем?

Людмила Глухарева, Марина Ильина

Расчет только наличными, или страсть по наследству

Все персонажи вымышлены, все совпадения случайны

«О необычных качествах Будущего – оно самоосуществляется, причем с любой, в том числе мгновенной, скоростью. Будущее обладает и еще одним качеством: оно исполняет желание, волю человека, изъявленную мысленно.

Но только один раз и только одно желание».

Ю.Н. Рейтов

На размашистом загорелом лбу президента выступили крупные капли пота. – Я... э-э-э, – он сглотнул. Светлые глаза его затуманились. – Надо все-таки поконкретней.

«Бери, бери его за горло», – шептал ей внутренний голос. И она решилась.

– Истомила я по ласке, – низко прогудела Тонька, округлив глаза.

Внутренний голос ошибся. Промахнулся, так сказать. Бросок не впрок. Изумление скопало расплывчатый лик президента. Тонька испуганно зажала рот руками.

Ох, не то я говорю. Хотела же предупредить. А вышло сплошное безобразие. Язык мой – враг мой.

Тонька извергла кошмарные штампы, напоминающие задушевные стоны донских казачек Шолохова. Она часто заморгала и замычала. Нечленораздельно. Надо немедленно поведать об опасности, а она, кроме идиотских фраз, ничего выдать из себя не может.

Президент заподозрил неладное и нехорошо прищурился.

– Ну, я думаю, основные вопросы мы решили, на этом и попрощаемся.

Тоньку вывели за белые ручки щеголеватые и фактурные мужички. Она не сопротивлялась, но по-прежнему зажимала рот обеими руками и беспокойно озиралась по сторонам.

«А самое главное-то я ему не сказала. Про опасность. Вот беда. Теперь уж и не скажу. Надо будет написать ему письмо. Уж написать-то я смогу. Жаль, что он мысли читать не умеет».

Тоньку лихорадило. Она повернулась на другой бок и проснулась.

Президент? Кремль? Беседа? Вот бред. Ах, это сон! Живенько так.

Только сюжет уже побледнел и продолжал таять. О чем же был этот сон? И что за опасность такая необыкновенная? Не помню ни фиги. Тонька решительно направилась на кухню.

Антонина Александрова, в девичестве Ураганова, насыпала заварку прямо в чашку, залила кипятком и распахнула створки окна. День обещал быть чудесным. Мягкое солнце разогревало небо, разрисованное бело-голубыми, широкими, рваными полосками.

От ощущения надвигающегося лета и тепла душа Тоньки наполнилась радостным возбуждением.

Старый панельный дом, в котором жила семья Александровых, располагался в уютном московском дворике неподалеку от искусственного пруда. Поэтому если наступала теплая ранняя весна, в воздухе веяло морской романтикой. По крайней мере, так казалось Тоньке.

Под окнами дворник выметал дорожки. Равномерный шелест метлы разрывал утреннюю тишину двора.

Она с удовольствием выпила горячий вкусный чай с шоколадной конфетой и закурила первую сигарету.

Тонька обожала эту утреннюю уединенность. Ее личное жизненное пространство выросло до размеров пустой трехкомнатной квартиры. Никто не ноет, не требует, не просит, не теревит. Атмосфера, наполненная волшебной гармонией и тишиной. Даже телевизор молчит.

Когда чашка опустела, Антонина собрала волю в кулак и направилась в душ. После душа она прошлепала в спальню и встала на весы. Чуда не произошло.

«Значит, сегодня на обед – кофе с молоком, а на ужин – овощи и фрукты, а в идеале еще и пешочком километров десять. Господи, а жить-то когда, в смысле наслаждаться? Так ведь долго не протянешь. Ну, не беда. Это в идеале – десять километров, а в жизни – все равно больше трех не получится. А все лень-матушка. Сражаться с собственным аппетитом очень нелегко.

Итак, низкокалорийный здоровый образ жизни. Это что же получается? Ни тебе картошечки, ни мяса ни даже булочки. Нет, мне это решительно не подходит!

А между прочим, Мэрилин Монро в возрасте после тридцати совершенно не страдала истощением. Лопала, небось, напропалую.

Рацион можно сократить, но так кардинально изменить его у меня характера не хватит. Еда должна быть невкусной, а спорт – полезен для здоровья. Да, мстительным человеком был автор сей концепции».

Тоня относилась к себе критически и очень гордилась этим. Главное, не воспринимать свои редкие достоинства всерьез.

Во что бы такое нарядиться? Настроение прекрасное, погода еще лучше. Хотелось соответствовать.

Она выбрала темно-красные широкие джинсы и светлый огромный свитер. Чтобы от шеи и до колен свободно болтался, чтобы нигде не жало, не впивалось и не обтягивало. Красотища!

А с головой что делать? Сплошная провокация, а не голова. Длинные волосы Александровой отличались неукротимым нравом и требовали постоянной заботы. А заботиться постоянно Тонька не любила и не умела.

Иногда внезапно ее осеняла идея собственного несовершенства, тогда она немедленно направлялась в любой салон по соседству и преображалась. Следующие два дня чудесное превращение радовало глаз. Затем опять наступал период Золушки.

Антонина посмотрела в зеркало и вздохнула. «Может, причесаться?» – с тоской подумала она. Длинные, густые, но при этом тонкие волосы страшно путались, и при расчесывании Александрова нещадно выдирали их. «А заодно бы и закрасить седые», – решила она.

Всего две недели назад, после похода в салон, цвет волос был в полном порядке, а теперь те же самые волосы нахально требовали дополнительных усилий. Тонька жалела себя.

«Вся в отца. Тот поседел в двадцать пять лет. А я – чуть позже».

Александрова захихикала, вспомнив, как папочка Ураганов, когда она была маленькой девочкой, рассказывал ей сказку на ночь. Сюжет у сказки практически не менялся. Менялись только декорации и некоторые мелкие детали.

Жил-был Иван-царевич. И настало ему время жениться. Выстрелил Иван из лука и попал в лягушку, которая жила в болотце. Пока сюжет развивался классически. Лягушка ночью меняла шкурку и помогала Ивану справиться с чудовищными заданиями своего папаши-сади-ста. И вот однажды невесту Ивана похитил злой Кощей. Иван бросился на поиски.

И после долгих приключений и странствий добрался до замка, где жил Кощей. Маленькая Тонечка вся напрягалась и вцеплялась ручонкой в отца.

Обычно на этом месте сюжетной линии папа Ураганов уже позевывал и слегка всхрапывал, но, нежно любя дочурку, героически продолжал повествование.

И вот иезуитский Кощей предлагал бедному Ивану-царевичу опознать невесту среди огромного количества жаждущих замужества невест-фантомов.

«И повел Кошей царевича в первую комнату. Большую-пребольшую. А там вдоль стеночки сидят блондинки, блондинки, блондинки, – папа Ураганов в запале размахивал рукой. – Повел Кошей царевича на второй этаж. А там шатенки, шатенки. – Напряжение сюжета нарастало. – Повел Кошей царевича на третий этаж. А там брюнетки, брюнетки, брюнетки», – В голосе отца звенело восхищение, его рука описала полный круг. – Задумался Иван-царевич. А потом и говорит: «Нет здесь моей Василисы».

В пассаже, связанном с нелегким выбором царевича, отец оживлялся, и было ясно, что он с удовольствием мечтал на заданную тему.

С каждым разом этажей в замке становилось все больше и больше, и соответственно количеству этажей разрастался цветовой диапазон невест.

Когда мамочка случайно услышала интригующие детали сказки, то сначала задохнулась от смеха, а затем строго предложила отцу почитать ребенку сказки Афанасьева или Бажова, а не заниматься собственными фантазиями.

Отец недовольно взял предложенную книжку, скривился и начал с заголовка:

– Сказка. «Огневушка-поскакушка», – с расстановкой и апломбом матерого литератора начал папочка.

– Что? – мамочка подскочила к отцу и яростно вlepила палец в заголовок.

– Огневушка-поскакушка, пос-ка-куш-ка. Совсем ты обалдел на старости лет.

С тех пор все сказки визировала мамочка и частенько прислушивалась к сонному бормотанию второй половины, убаюкивающей маленькую дочку чтением.

Александрова еще раз взглянула на себя в зеркало и решила все-таки изобрести что-нибудь для своей головы. Пригладила щеткой волосы, закрутила хвост и сморщила нос:

«Н-да, бедненько у нас с фантазией».

Будем надеяться, что стало лучше, чем было. Но до идеала очень далеко. Пожалуй, такого колора даже папик не смог бы описать. И зачем люди стареют?

Может, все-таки помучиться и взяться за хну? Отличное народное средство, и волосы не выпадают. Только сам процесс окрашивания и преображения слишком затяжной. Вымыть голову, затем хну залить кипятком, потом сорок минут настаивать на паровой бане, затем добавить кефир, размешать, втереть в голову, обмотать голову газетой, надеть купальную шапочку, а сверху – полотенце.

И еще час-полтора сидеть в этом тюрбане, из-под которого обязательно начнет сочиться волшебный состав хны. Целый мучительный ритуал. А главное, результат не всегда впечатляющий».

То ли дело – в производителе, то ли – в дате изготовления, но волосы окрашивались всякий раз по-разному.

Тонька нервно дернула головой, натянула кроссовки, одернула свитерок крупной вязки, напоминающий спецодежду для будущих мам, схватила ключи от квартиры и отправилась на работу.

Пока Антонина шагала по тротуару, ее одолевали мечты о крупных заказах, а следовательно, о больших деньгах, которые наконец-то свалятся им с Тamarочкой на голову. Тоня счастливо зевала и посматривала то на небо, то под ноги: а вдруг завалюсь что-нибудь стоящее!

В мечтах Антонина Александрова покупала шикарную квартиру, внедорожник, дачу и уезжала с семьей в тихую Европу с кучей денег, где покупала в точности то же самое, и еще оставался денежный запас, который практичная Тоня положила бы на счет в стабильный, надежный банк.

В эмиграции, как надеялась Тонька, она сумела бы наконец заняться здоровьем всей семьи. Александрова с почтительным уважением относилась к европейской системе здраво-

охранения. Почему-то ей казалось, что там, за бугром, работают настоящие специалисты, которые и диагнозы ставят верные, и лечат замечательно.

Наверное, так казалось потому, что представить себе медицину еще хуже, чем в родной стране, было трудно. Невероятно трудно.

Блажен, кто верует.

Единственный, драгоценный ребенок – сын – получит другое гражданство, защиту и права и не будет служить в Российской армии. Не слишком патриотично, верно? Но из песни слов не выкинешь.

Тонька верила и в душе была уверена, что когда-нибудь ее мечты исполнятся.

Александрова мечтала с размахом. Желать так желать.

Вся московская подвижность и неподвижность оставалась бы нетронутой на тот случай, если в Европе замучает ностальгия по березкам (кстати, в Европе полным-полно березок и прочей растительности) или еще что-нибудь подобное и захочется пожить на родине.

В этом месте голубые мечты бледнели и рассеивались, поскольку даже буйное воображение Антонины не выдерживало и давало сбой.

«Или вот еще вариант. Идешь себе гуляешь, а в зеленой травке тихонько лежит симпатичный кейс, набитый деньгами, или чемодан.

Или нет, все-таки лучше всего найти портмоне с кредитной карточкой и кодами доступа, размашисто накарябанными на смятой бумажке. И самое главное условие при этом, чтобы никто не пострадал. Ни тот, кто нашел, ни тот, кто потерял. Интересно, при каких обстоятельствах такое возможно? И возможно ли в принципе?»

Солнце светило не ярко, а нежно. Торопиться на работу Тоне не хотелось, хотелось только власть помечтать. Глупые мечты, конечно, но настолько приятные, что, кажется, ты уже живешь другой, здоровой и обеспеченной жизнью.

«А подарки! Какие можно сделать подарки своим близким и друзьям! Приятно выступать в роли Деда Мороза или сказочной феи. Да, пожалуй, фея – это как раз то, что нужно, когда вокруг тебя сплошь одни Золушки.

А может, когда появляются деньги, много денег, то пропорционально растет и жадность? Жаль, что мне не суждено проверить эту теорию! А так хочется.

Не хватает мне коммерческой жилки или, возможно, просто хитрости».

Тоня не торопясь шагала на любимую работу, которая лишь при определенных усилиях покрывала расходы Антонины Александровой.

Тоня с Тamarочкой Шуровой на пару занимались дизайном сайтов, вдохновенно творя. Они снимали контору под офис в старом, требующем капитального ремонта, сталинской еще постройки, доме и серьезно зависели от количества и качества заказов.

Надо было оплачивать аренду помещения, рекламу в газете, выделенную линию Интернета и налоги прожорливому государству. А чтобы платить, надо зарабатывать. Тоне и Томе никак не удавалось заработать приличные деньги.

Пробиться было очень трудно, число конкурентов только увеличивалось. Часто они работали за символические деньги, лишь бы не упустить заказчика.

Приходилось вкалывать, и фортуна никак не хотела повернуться к ним лицом. Их офис, громко именуемый дизайн-студией, с волнообразным линолеумом и старым расхристанным окном в трещинах, требовал ремонта.

Зато были новые компьютеры, плоские мониторы и горячий энтузиазм, запасы которого у Тоньки никогда не заканчивались. Антонина специализировалась на программном обеспечении, а Томочка была художественно одаренной личностью и занималась непосредственно всей той волшебной красотой, которую являли образцы их работ.

Кроме того, когда заказчики – а в девяноста процентов случаев это были мужчины – видели Томочку, то просто таяли под светом ее обаяния и красоты.

Тоня, как правило, активно общалась с заказчиками, громко шутила и непрерывно вертелась на стуле, поправляя очки и одержимо рассказывая о всех тонкостях и нюансах рейтинга. Тамара же вскользь вставляла реплики, мгновенно переключая внимание мужчин на себя, и совершенно обезоруживала их томностью движений и грацией своей красоты.

Тамара высказывала трудноопределимые комментарии, подкрепляя их плавным движением руки, а Тоня давилась смехом, наблюдая за реакцией загнипнотизированного заказчика, не сводящего глаз с Шуровой.

Высокая, тоненькая и узенькая Томочка прекрасно рисовала акварелью, двигалась как королева и жаждала успеха. Впрочем, как и Тонька, которая была старше своей напарницы лет на пятнадцать и так же упрямо добивалась своей цели.

Но цель была пока недостижима: то ли ума и сил не доставало, то ли задачи были сверхсложными, а может, и вовсе судьба противилась. Какое чудесное объяснение: судьба, фатум, рок, невезуха.

Скорей всего, как считала Тонька, дело было в неправильном устройстве ее черепной коробки. Среди массы ее знакомых встречались самые разные люди. И успешные и не очень, и бедные и богатые, и счастливые и несчастные. Но каким же путем самые успешные добивались крупного финансового успеха? Хороший вопрос. После недолгого анализа Тонька пришла к собственноручно вылепленному заключению.

У каждого из нас есть свой индивидуальный набор извилин, отвечающих за душевные качества, здоровье, эмоции, иммунитет и прочие материал. В совокупности своей наборчик этот делает нас неповторимыми и уникальными. Но есть, несомненно, в этом наборчике особые ингредиенты, назовем их редкими витаминами группы Зет, которые отвечают за сильное коммерческое начало в каждой отдельно взятой особи.

Отсюда и вывод: во-первых, финансовая успешность (речь идет исключительно о количестве денег) не зависит от уровня образования.

Выработке и развитию этих самых витаминов в организме способствует капитал, особенно крупный.

Во-вторых, успешность, по мнению Тоньки, не зависит даже от объема труда и сил, вложенных в собственное дело.

То есть, конечно, необходимо вкалывать, и вкалывать серьезно. Тогда в итоге любой человек сможет добиться и непременно добьется профессиональных и творческих успехов, а также заслужит уважение остальных трудящихся.

Но фокус в том, что полноценного финансового (на полную катушку) процветания этим не достичь. Все у вас будет хорошо, кроме наличия крупного капитала.

В-третьих, и в-последних, страшно сказать, но все дело исключительно в присутствии в крови редких витаминов группы Зет. С ними надо родиться. В обществе, как, впрочем, и в природе, никакого изначального равенства не существует.

Кстати, на заметку носителям группы Зет...

Им просто необходимо и строго рекомендовано тесное общение с обделенными гражданами.

Избыток витаминов от хозяина плавно переходит к группе лишенцев. За счет этого перехода выработка витаминов у носителей только увеличивается. Все очень просто.

Конечно, и витаминизированным персонам приходится несладко. Они входят в группу риска.

Дело в том, что витамины группы Зет – нестабильны. В любой момент может произойти непоправимое и волшебные витаминчики исчезнут. Здесь уж как повезет. Как говорится, от тюрьмы и от сумы...

Когда Тонька поставила сама себе этот диагноз, то пришла в невероятное волнение. Она страдала от недостатка или, вернее сказать, от полного отсутствия этих самых витаминов.

После краткосрочной депрессии она решила, что, несомненно, в природе должен существовать метод восстановительной компенсации. Задумалась. Ответ был прост, незамысловат и лежал на поверхности.

Общаться, работать, дружить надо в непосредственной близости (чем ближе, тем лучше) от носителей этих самых витаминов Зет.

И если быть близко-близко от витаминизированного носителя, то вполне вероятно, что и вас тогда заденет зигзаг удачи всполохом своей активности. Главное, нельзя забывать о том, что у вас самих этих витаминов нет, не было и никогда уже не будет. А на нет и суда нет. Вот как хочешь, так и вертись.

Илларион Егорович Игнатъев раскладывал пасьянс, пасьянс не сходился. Илларион злился и ожесточенно терзал белокурую шевелюру.

Не сходится. Совсем.

Илларион быстро посмотрел по сторонам. Вся его контора состояла из двух небольших помещений. Одно меньше другого. Первую комнату занимали сотрудники и секретарша, а вторую, совсем крошечную, он – босс.

Из-за отсутствия кондиционеров в теплое время года в конторе стояла страшная духота. И Илларион постоянно, за редким исключением, держал дверь нараспашку. Конечно, вся его начальственная недоступность из-за этого как-то таяла. Но и терпеть духоту не было сил. А на кондиционеры не хватало средств.

Да, деньги, деньги. И почему их всегда катастрофически не хватает? Он закрыл пасьянс и задумался.

«А вот некоторым прет. Везет крупно, и наяву, а не во сне.

Не может быть, чтобы этому козлу так повезло. Не может быть. Как объяснить сумасшедшую удачу? Можно объяснить простым везением, а можно – сложным. А можно и сверхсложным».

Порыв ветра распахнул окно, зазвонил телефон.

– Это фирма «Протокол»?

– Да, да. Одну минуту. Валерия, возьми трубку.

– Уже взяла, Илларион Егорыч. Да, конечно.

Чего-о-о?

Секретарша Валерия Васильевна Огурцова вела томную беседу. За два года она так и не смогла запомнить длинные названия товаров, услуг и цен. Язык ее спотыкался и сопротивлялся длинным замысловатым наименованиям.

Каждый раз, отвечая на вопросы потенциальных заказчиков по телефону, она читала заранее подготовленный текст, причем читала по бумажке, а бумажку периодически теряла. После обнаружения пропажи Лера с головой окуналась в состояние паники и будоражила весь офис. Она начинала голосить, что кто-то специально спрятал ее «речь» и что она всех выведет на чистую воду.

Лера сметала со столов все бумаги, перетряхивала папки и громко жаловалась на неудавшуюся жизнь. «Речь», как правило, исчезала бесследно. В результате бешеной деятельности секретарши у всего маленького штата сотрудников фирмы «Протокол» кружилась голова. А большинство важных счетов и накладных оказывались безнадежно утерянными.

Валерия Васильевна раздражала Игнатъева, но в меру. Слегка. В ее существовании на работе был существенный плюс. Заработная плата секретарши. Мизерная оплата. Поэтому Игнатъев старался не обращать внимания на капризы и настроение Лерочки Огурцовой.

Остальные сотрудники тоже не особенно радовали Иллариона. Ленивые бездельники.

«Ладно, пока они работают и делают вид, что стараются, я буду делать вид, что выплачиваю им зарплату.

И все-таки вопрос оставался открытым. Неужели бабушка оставит все этому треплу? Или дело вовсе не в бабушке?»

Смазливый двоюродный брат его все детство пиликал на скрипке, играл в шахматы, запоем читал и к тому же весьма нравился женской половине.

Ему везло всегда и во всем. Он так бесил Игнатьева. Илларион завидовал ему до исступления. Завидовал всему, а главное – любви, которая всю жизнь незаслуженно окружает этого везунчика плотным облаком. И живет везунок, как в сказке. Все у него складывается. Карьера, деньги, квартира, машина, череда любовниц. Все высший класс. Простить очень трудно. Практически невозможно. Даже забыть не получается.

Весь день Илларион Игнатьев маялся. Его мучили фантастические планы и идеи. Он так и не придумал, как подступиться к ним, а главное, как найти то, что так необходимо ему самому. Именно ему – Иллариону. Оставалась последняя и самая простая идея – шантаж.

– Лера-Валера, ты факс отослала? – забарабанил пальцами по столу Илларион.

– Какой факс, Илларион? – искренне удивилась Лерочка.

– Нам заказ прислали, помнишь, из Липецка? Большой заказ! Ты счет им по факсу отправила или нет?

– Да, конечно, я все отправила.

– Покажи мне этот факс.

– Одну секунду, Илларион, одну секунду, сейчас я его поищу.

Лерочка вибрировала под сокрушающим нордическим обаянием шефа.

Она знала про него очень много по-настоящему важных вещей. Первое: он не женат и вполне состоятелен и упакован. Ну, не Крез, конечно.

Второе: умен, расчетлив, красив, перспективен. Спрашивается, что еще надо человеку, работающему секретаршей у такого яркого индивида?

Остальные детали для Валерии уже не имели большого значения.

Хотя она была прекрасно осведомлена и о тайных нюансах жизни Иллариона.

Игнатьев вызывал в ее душе массу эмоций и неконтролируемых желаний. Она старалась стать незаменимой умницей, красавицей лично для него. Но до сих пор Лерочке никак не удавалось дожидаться адекватной реакции от любимого.

Любимый использовал ее и в хвост и в гриву. Затыкал ею все щели и дыры и на работе, и в домашнем хозяйстве.

Шеф доверял ей и легко распорядился свободным временем Валерии. Она постоянно была с ним на связи и постоянно выполняла личные поручения Иллариона.

– Лерусенция, а что, нельзя подколоть отправленный факс в подходящую по случаю папку, а? И где мой кофе? – язвительно поинтересовался Илларион.

С ролью невыносимо придирчивого шефа он не только отлично справлялся, но и наслаждался ею. Бурные чувства Лерочки его не трогали, хотя и доставляли некоторое слабое удовольствие.

«Какая упитанная редкая дура. Мнит себя великим стратегом. Смешно!»

– Уже налила. Пожалуйста, пейте на здоровье, – Лерочка поставила чашку на стол к Игнатьеву и застыла, изображая готовность номер один.

– Что там с монтажом в Пыжевском переулке? – допрашивал Илларион, смачно прихлебывая. – Да ты сядь, Валерик. А пирожные остались?

Игнатьев был трогательно привязан к сладкому и требовал от Валерии постоянно следить за запасами сладостей, что она ревностно и с удовольствием делала.

«Красивый, милый, добрый Илларионушка. Он так любит шоколад. Сразу ясно, что человек он великодушный». – Лерочка была в восторге от кулинарных пристрастий начальства.

– Нет, но я сегодня купила свеженьких, Илларион Егорыч. Сейчас принесу.

Валерия метнулась к двери и мгновенно вернулась с пирожными, выложенными на блюде. По пути к столу шефа она рискнула совершить замысловатое па, напоминающее реверанс. И чуть не упала на Иллариона.

Игнатъев хитрый маневр разгадал, но не дрогнул. И секретаршу не подхватил, не поддержал. Пришлось Валерии самостоятельно обретать равновесие.

«Ого, разбежалась. Так и падает в руки.

Дудки, Лерочка. Мне и без тебя проблем хватает. Красавица ты моя ненаглядная».

Игнатъев откусил кусочек шоколадного пирожного и повторил:

– Что там с Пыжевским?

Лерочка подавила вздох, и мучительные складки исказили ее высокий и чистый лоб. Она думала. Вспоминала. Соображала.

Через три минуты изрекла:

– Вчера и позавчера наши ездили монтировать всю установку.

– Лерусенция, я знаю, что они ездили монтировать. Мне интересно другое, закончена ли работа? – Игнатъев старался не раздражаться.

– Ну, Илларион Егорыч, – заныла Валерия, – я от такого напряжения совершенно теряюсь. То факс отправь, то рабочих проконтролируй.

Лерочка присела на краешек стула и потеряла виски руками. Она была в скорби. Желтые глаза излучали преданность и любовь. Илларион закурил сигарету и прищурился.

– Лер, кончай шалить, побаловалась, и хватит. Пойди, позвони рабочим и все узнай.

– Сию секунду, Илларион. – Валерия схватила телефонную трубку, потыкала пальчиками кнопки и закричала:

– Борька, это Лера. Что с объектом? Закончили? Да? А я не помню. Не говорил ты мне ничего! Ну, забыла, бывает. Ладно, не ори, передаю трубку Иллариону Егорычу.

Игнатъев вздохнул и протянул руку к телефону.

– Здорово, Борис. Слушаю тебя внимательно. – Игнатъев нервно барабанил пальцами по столешнице и периодически хмыкал.

– Привидения? Какие еще привидения! Пить надо меньше. Что? У вас что там, психоз массовый? Давай так: заезжай ко мне. Да, сейчас, немедленно. Да, жду. Ладно. Договорились.

Илларион мученически взглянул на Лерочку и пожаловался:

– Привидения у них там объявились. Напьются в стельку, а потом привидения их навещают. Нет, терпение мое лопнуло. Сейчас приедут, и я с ними разберусь. Призраки чумадые.

– А Борис не пьет, и этот, как его, Вадим тоже непьющий, Илларион Егорович, я это точно знаю, – Лерочка старалась в меру сил утешить начальство. – Может, кофейку свежего с конфетками, а?

«Точность – это не твоя стихия. Бестолочь ты, дорогуша», – подумал Игнатъев.

– Давай, тащи и кофеек, и пожрать чего-нибудь. Да, и покажи мне липецкий факс. Ты запомнила, Лерунь? – На лице Игнатъева застыло сомнение.

Валерия выпрямилась и неторопливо покинула кабинет начальства.

«Запомнила я все. Не даун. Только и слышишь: пожрать да пожрать. Здоров ты жрать!»

– Складочки пролегли на высоком и чистом Лерочкином челе. Она пожала плечами и занялась готовкой.

Из кабинета Иллариона доносился вибрирующий тенор.

«Необыкновенная, тра-та-та-нежная, ты моя вселенная, а-аааа», – тихо гудел Игнатъев, особенно напирая на длинное «а».

В предвкушении очередной порции кофе, бутербродов и сладостей он просматривал личную электронную почту.

Валерия погладила себя по крутым бокам и загадочно улыbnулась. Роль необыкновенной и ласковой вселенной для Иллариона ее полностью устраивала.

«Он думает, что прямо зашибись, какой умный. Что Валерия Огурцова ничего не видит, не слышит и не замечает. Напрасно. Держит меня за прислугу. А я не сдамся. Душечка мой нетерпеливый. Думаешь, что ты неуязвим? Напрасно. На память я пожаловаться не могу».

Примерно через двадцать минут дверь с грохотом распахнулась и ввалилась группа «золотые руки» – Борис Майков и Вадим Козулин.

– Привет, Илларион, – шумели рабочие. Они с размахом плюхнулись в удобные кресла.

– Привет, привет, ударники, что там с объектом? Выкладывайте! – благодушно предложил Игнатъев и распахнул створки окна пошире. Тяжелый, устойчивый дух трудового пота пронзил маленькое помещение.

Илларион подозревал, что источником невыносимого запаха были не только тела гегемонов и все, что прикручивалось к ним сверху, а и основная, так сказать, опорно-двигательная часть тела.

Тяжелые пережитки советских времен. Душ или баня строго по расписанию, раз в неделю или в две. Чаше нельзя – вредно и утомительно. Смывается защитный слой. Оголяются нервы.

Ударники, не в пример своему директору не отличались столь деликатной чувствительностью и окно решительно прикрыли.

– Надует ведь, Илларион Егорыч. Потом лечись, а ты ведь за пропуск по болезни нам не заплатишь, – с чувством пробасил Борис.

– Нет, дорогие мои, я так долго не выдержу, немедленно окно откройте. Это во-первых, а во-вторых, я – весь внимание, докладывайте про свои подвиги, – нахмурился Илларион и поерзал в кресле, пытаясь носом найти оптимально безопасную воздушную нишу.

– Так чего там докладывать-то, Егорыч, – успокоительно заметил Майков, – все в порядке, мы почти закончили монтаж, осталось только кое-что наладить, там фильтр один не работает, а так почти все в порядке. Но вечером и ночью я туда больше не поеду ни за что, вот как хочешь, Егорыч. Не поеду и все тут. Днем – пожалуйста, а на ночь глядя – ни-ни. – Рабочие устали на Игнатъева.

Илларион помассировал шею, потянул себя за роскошные кудри и с отвращением произнес:

– Я жду от вас объяснений.

– Так чего объяснять. Ну, провозились мы с монтажом до часу ночи, Вадим-то пораньше уехал, а я остался ночевать на втором этаже в этой комнате, где короб мы устанавливали. Ну, лег на диванчик, как был в куртке, да и уснул. Думаю, встану часиков в шесть и до девяти утра еще поработаю, да и Вадим приедет, может, успеем закончить – Майков замолчал, смачно откашлялся и продолжил:

– Сплю, значит, я, а потом чувствую, что кто-то меня за плечо трясет, типа «будит». Трясут и трясут. Я, того, проснулся, глаза открыл и вижу, бабка какая-то идет к двери, то есть выходит из комнаты. Бабка-то вся прозрачная, ну настоящее привидение.

Я думаю, что сплю, наверное, еще и глаза скосил в сторону, а на плече, в том месте, за которое меня трясли, куртка смялась вся. Я сам себя ущипнул крепко так, больно стало, ну и понял, что не сплю я вовсе. А бабка-то к двери подошла, дверь открыла и вышла, хлопнув дверью.

Борис Майков громко сглотнул, протянул руку к графину, налил воды в стакан и залпом выпил.

– А на следующий день все в точности повторилось, Егорыч. Точь-в-точь. Середина ночи, за плечо трясут, потом бабка выходит из комнаты. Во второй раз мне еще хуже стало. Я не трус, ты ведь знаешь, но больше я там ночевать не останусь. Пусть Вадим ночует. Он парень молодой, а я больше – ни за что.

Глаза Бориса и Вадима затуманились.

Игнатъев скептически фыркнул и возвел очи к потолку.

Ох и непросто с трудовым коллективом ладить. Хочется послать все к черту, надоело.

В этот момент Валерия просунула голову в дверь и, умильно улыбаясь, проворковала: «Илларион Егорыч, я липецкий факс нашла, вам принести?»

– Лерунчик мой, ты видишь, что я занят, позже, ласточка, позже.

«Увольнять, срочно увольнять, надоела безумно».

Игнатъев состроил козу и погрозил секретарше.

Плотно застряв в узком проеме двери, Валерия все-таки ухитрилась кокетливо повести плечиком, затем захихикала и наконец скрылась из вида. Гегемоны переглянулись, и неопределенный туман в их глазах стал еще гуще.

«Будем строить мужиков». Игнатъев хлопнул рукой по столу.

– Ты ведь знаешь, Борис, монтировать оборудование можно только после окончания рабочего дня с восьми часов вечера до утра, а вы за два дня не справились, значит, поработать еще придется в ночную смену. А относительно привидений... Может, ты пил, а, Борис?

– Клянусь, Егорыч, я ведь в рот не беру. Нельзя мне сейчас. Зашитый я. Ты вот хоть у Вадима спроси.

Илларион вопросительно взглянул на Козулина. Тот пожал плечами.

– Не, не пили мы, Илларион, даже пива не пили. Торопились очень, вкалывали и все равно не успели. И я там тоже ночевать не останусь. Мы ведь с охраной поговорили, а мужики-то нам такого порассказали, волосы – дыбом.

– И что же такое они вам порассказали, интересно?

– Они там по сменам дежурят, по двое человек в смену. И каждую ночь не спят, потому как в середине ночи слышат громкие, отчетливые звуки, будто ходит кто-то на втором этаже. И двери хлопают и хлопают. Они наверх-то поднимаются, а там – никого и тишина.

– Ну да, и мертвые с косами стоят. – Илларион покачал головой. – Так, ладно, мужики. Сегодня надо кровь из носу все доделать, сроки все вышли. Как хотите, а закончить надо сегодня.

– Так мы что, мы закончим сегодня, Егорыч, ты даже в голову не бери. Остались-то пустяки. Успеем до ночи. Ночевать там не будем. Ну, пойдем мы, Егорыч. Есть указания?

– Отзвонитесь мне, мужики, обязательно. Все, свободны.

«В Англии официально зарегистрированы двадцать пять тысяч привидений», – вспомнил Илларион английскую газету «Ивнинг ньюс». А что? В этой мыслишке что-то есть.

Он помассировал затылок, со смаком потянулся и крикнул в сторону двери:

– Лерусик, зайди ко мне, разговор есть.

Валерия с достоинством впорхнула к Иллариону.

– Вызывали?

– Да, Валерик. Присаживайся.

«Ой как ласково запел. Видно, грядет что-нибудь важное».

Валерия опустилась в кресло, следя за изяществом каждого своего движения.

По телеку как-то транслировали передачу, посвященную правилам этикета. Слово показалось ей знакомым и интригующим. Э-ти-кет.

В передаче показывали утонченных и истощенных красавиц, в каждом жесте которых сквозила принадлежность к дворянскому, а может, даже к царскому роду.

Между делом знатные особы учили аудиторию красиво садиться. Спина прямая, подбородок кверху. Глаза устремлены на визави. Валерия не отвлекалась ни на минуту. Она фиксировала каждую деталь.

«Пригодится. Непременно пригодится. А тренироваться можно перед шефом. Демонстрировать, так сказать, аристократические манеры. То-то он изумится!

Спина прямая, подбородок задрать, ноги вместе, и глаза – в глаза».

Пока она грациозно «планировала» в кресло, Игнатъев пристального взгляда Огурцовой не выдержал и принялся внимательно изучать свой телефон.

Плевал он на роковые манеры Валерии Огурцовой. Совсем обнаглела.

Игнатъев гипнотизировал телефон. И его гипноз сработал. Телефон требовательно зазвонил.

– Игнатъев, слушаю. А, тетушка! Добрый день, родная моя. Как жизнь? Что? Ограбили? Повторно? Все, я обязательно приеду. Прямо сейчас. Диктуйте адрес. Да, если пробок нет, то я через двадцать минут буду. Не волнуйся, тетя Вася.

Он вскочил, схватил со стола сигареты, заметался по кабинету и резко остановился рядом с Валерией.

– Так, мне надо отъехать. Лерусик, я с тобой позже побеседую. Ты тут за порядком проследи.

– А почему тетя и вдруг Вася? – не выдержала Лера.

– У моей тетушки редкое имя, Василиса Аркадьевна. Сокращенно Вася. Ей семьдесят семь лет, и я ее внучатый племянник, – отмахнулся Игнатъев и выскочил из кабинета.

«Внучатый племянник. Это как?»

Валерия сморщила лоб, пытаясь сообразить степень родства.

«Мудрено очень. Заботливый. Какую-то престарелую тетку ограбили, а он мчится помогать. Душка».

Игнатъев выбежал из бизнес-центра и завел мотор. Через двадцать пять минут, хамски подрезая по пути все подряд автомобили, он припарковался на платной стоянке у крупного супермаркета. Оставив машину, он не торопясь направился к дому Городницкой Василисы Аркадьевны.

Двенадцатиэтажный дом эпохи семидесятых выглядел на все свои кровные тридцать с хвостиком лет. Немного облезлый и печальный.

Илларион позвонил по домофону. В ответ немедленно раздался одобрителный прерывистый сигнал.

«Вася у двери караулит?» – усмехнулся Илларион.

На табло домофона красными буквами высветилось – «GO!». С восклицательным знаком.

Отлично. Превосходно. Послали меня. Идите, мол, своей дорогой, дорогой товарищ.

Илларион криво улыбнулся.

«Go» в переводе с английского языка означает идти, в смысле уходить, а не в смысле заходите сюда.

Ну кого волнуют такие мелочи? Россия – страна большая, девяносто процентов населения плохо ориентируются не только в русском языке. А про английский и подумать страшно.

Он зашел в квартиру и обнял аристократичную старушку.

– Тетя Вася, я приехал.

– Заходи, Гошенька, заходи.

Имя «Илларион» давалось ей с трудом. Странное имя, трудное. Неласковое. Запоминается с трудом. Гошенька – гораздо лучше.

Папашу Иллариона величали Егором. Егор Иванович с первой женой расстался любовно и сына наградил звучным именем. А тетушка Василиса Аркадьевна Городницкая Егора Ивановича обожала и Иллариона звала Гошенькой, в память об отце Игнатъева Егоре.

Василиса Аркадьевна расцеловала его в обе щеки.

Она провела Иллариона в гостиную, обклеенную мрачными сине-зелеными обоями. Тетушка зачитывалась мемуарами князя Феликса Юсупова. Она приходила от них в восторг и в знак приязни оклеила стены синими обоями.

В своей книге князь Юсупов утверждал, что моду на синие стены выдумал именно он. Данный колор, если верить князю, моментально стал страшно популярным в Европе.

На стенах красовались картины в тяжелых позолоченных рамах. По утверждению тетушки – оригиналы.

«Я подделок не люблю и дурной вкус осуждаю. Все эти картины мне дарили сами художники, внизу есть авторская роспись», – гордо заявляла она обычно.

Картины разнообразием не отличались. Два натюрморта. Один пейзаж. И портреты хозяйки дома. В анфас и профиль. В шапочке и без.

– Ну, слава богу, картины не тронули, – заметил Илларион и прищурился.

– Сказывается дурновкусие, Гошенька. Плебеи.

Василиса Аркадьевна обладала цепкой памятью, высоким интеллектом и ясным разумом.

У каждого человека есть свои пристрастия. У Городницкой такими пристрастиями были живопись и Илларион Игнатьев. Она жалела и любила Гошеньку. Виделись они крайне редко. Гошенька навещал тетушку только в исключительных случаях.

Тетушка Василиса Аркадьевна отличалась строптивым и неугомонным нравом.

Ровно полгода назад она решительно продала свою огромную четырехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте и переехала, по ее выражению, поближе к природе, в трехкомнатную квартиру на окраине Москвы, рядом с лесопарковой зоной.

В тяжелое время переезда Игнатьев благополучно пропал из поля зрения тетушки. У него образовалась срочная и не терпящая никаких отлагательств работа.

«Полный аншлаг, тетя Вася, вздохнуть некогда», жаловался он тетушке по телефону. И тетушка обошлась своими силами.

Наняла команду грузчиков, заручилась поддержкой старинной приятельницы Зиночки, немного всплакнула и переехала.

Илларионушку-Гошеньку она обожала. Как сильно он хотел помочь, но обстоятельства помешали! Милый, добрый мальчик. Отзывчивый. Обаятельный.

Единственное, что по-настоящему беспокоило ее в жизни внучатого племянника, это отсутствие жены.

Свою тревогу она выражала крайне деликатно.

При редких встречах она беспокойно спрашивала: «Что нового, Гошенька»? – Пауза и проникновенный взгляд.

«Тетя Вася, я все еще холост. В поиске». – Илларион предпочитал отвечать кратко.

«Оставим эту тему, я вижу, что она тебе неприятна», – быстро закругляла беседу тетя.

Василиса Аркадьевна усадила внучатого племянника за круглый стол в гостиной и захлопотала. Она расставила чайный сервиз, выложила в замысловатые вазочки крыжовенное варенье и разлила чай.

– Не суетись, тетя Вася, лучше расскажи, что произошло.

Василиса Аркадьевна Городницкая ловко поправила седые локоны и с умилением взглянула на Иллариона.

– Ужасная история, Гошенька. Ты ведь знаешь, что по четвергам я хожу на прием к зубному врачу, он пытается вылечить мой пародонтоз, и так каждую неделю. А по понедельникам навещаю Ларису, она укладывает мои волосы и делает меня немного моложе. – Городницкая кокетливо улыбнулась.

– Да, тетя, я знаю.

– Сегодня у нас понедельник. В прошлый четверг я, как всегда, ушла в поликлинику. Вернулась, а дверь нараспашку. Меня ограбили, Гошенька! – Тетушка театрально заломила руки и замолчала.

– Действительно, ужасная история. Что же украли? – Игнатьев покосился на стены. Все картины были на месте.

– Ты не поверишь. Это какое-то необычное ограбление. Загадка. Воры забрали мои тапочки. Скажи, на милость, зачем кому-то чужие тапочки? А картины не тронули.

– И все? У вас украли только тапочки? – делано изумился Игнатъев.

– Нет, конечно, нет. Вынесли телевизор, микроволновую печь, магнитофон, ружье Николаши, царство ему небесное. Именное ружье. Красивое. Да, еще четыре бутылки шампанского, зарядное устройство от мобильного телефона, выкрутили лампочки и вдобавок украли средство для мытья посуды и зубную электрическую щетку.

– Средство для мытья посуды и зубная щетка?

– Да, «Фэйри». У меня в голове этот факт не укладывается.

– А зарядник, зубная щетка и лампочки укладываются? А мобильник не взяли?

– Видишь ли, Гошенька, мобильный телефон я ношу с собой. На всякий случай. Что происходит, ума не приложу.

– Полная фигня. О, пардон, тетя. Шмотки, в смысле вещи, взяли? – Илларион подлил себе заварки.

– Нет, ничего не тронули.

Илларион вскочил из-за стола и зашагал кругами.

– Ерунда, абракадабра. На кой черт вывинтили и унесли лампочки, тапочки? Неужели бомжи поработали?

– Милиция сначала тоже так решила. А у меня и предположений никаких нет.

– Тетя, а вы милицию все-таки вызвали? – спохватился Илларион.

– Да, сразу же. Они составили протокол, подсчитали сумму ущерба и уехали. Посоветовали мне поменять замок на двери. Очень спешили. Говорят, дел много. Я, разумеется, вызвала слесаря. Он мне все поменял.

Илларион помотал головой и попросил разрешения закурить.

«Черт знает что. Трагикомедия. Фарс. Главное, палку не перегнуть. Побольше сочувствия. Поэнергичнее».

– А деньги? Они украли деньги?

– Гошенька, милый, денег в доме нет. Совершенно. – Тетушка закатила глаза и развела руками.

– Тетя Вася, но я вас, честно говоря, плохо понимаю. Если все это произошло в четверг, то почему вы сказали мне по телефону, что вас ограбили сегодня? – спросил Илларион.

– Потому что сегодня меня ограбили повторно. Вероятно, вору что-то очень понравилось, и они вернулись сюда, чтобы довести дело до конца. Ха-ха. – Василиса Аркадьевна продемонстрировала неувядающий оптимизм.

– Тетя!

– Ах да, я забыла! – Василиса Аркадьевна лукаво улыбалась. – Самое смешное, что когда милиция собралась уезжать, то они зашли к дворнику, чтобы допросить его. Направились сразу в чулан, где он держит лопату, метлу и все самое необходимое для своей работы. А в чулане этом лежит огромный пакет, набитый вещами, украденными из моей квартиры. Телевизор, зарядник, ружье. Но вот всего остального нет.

– Минуточку, я запутался, это когда произошло?

– В четверг, милый. Три дня назад. Мне вернули телевизор, ружье и зарядник. А сегодня меня ограбили второй раз. И на этот раз я навсегда лишилась телевизора и зарядника.

– А ружьишко? – любопытствовал Игнатъев.

– Ружье я отвезла еще в четверг к Зиночке на дачу. У них круглый год кто-нибудь живет там. Зиночке я полностью доверяю. Да и дачи наши рядом.

Василиса Аркадьевна грустила.

Илларион молчал и хмурился.

– А сегодня милицию вызывали?

– О, да. Они приехали с собакой, милое животное взяло след. Собака буквально рвалась с поводка. Милиционеры убежали вместе с собакой. И вот их нет. Я в полном одиночестве. Переживаю. Гошенька, что делать?

Классический вопрос.

Илларион отличался сообразительностью. Встрепенулся и моментально ответил:

– Тетя Вася, я вас сегодня же увезу на дачу к Зиночке. Весна, воздух, лес! Что в городе делать? Вам необходимо отдохнуть. А я присмотрю за вашей квартирой. И побеседую с милицией.

– Гошенька, милый, холодно еще. Рановато на дачу уезжать. Но что ты думаешь об этих ограблениях?

– Думаю, что бомжи. Первый этаж, соблазнительно для них. – Игнатьев пожал плечами. – Я за всем пригляжу, тетя Вася, не волнуйтесь. Собирайтесь потихоньку, я на дачу вас отвезу. Обогреватель возьмем, не замерзнете. Если вы будете жить на даче, то и мне, и вам будет спокойнее.

– Гошенька, а как же зарядник?

– Купим зарядник по пути.

Мария Сергеева задумчиво смотрела в окно. Сияло солнце, и первое по-настоящему летнее тепло заставляло радоваться всю окрестную зелень и живность. А в душе пели птички.

Мария прикидывала, какие еще модели, кроме уже отобранных в коллекцию, она сможет представить на выставке во Франции. О Париж, о Ницца! К птичкам присоединились звонкие колокольчики. Вот он, настоящий успех.

Но скольких усилий и затрат он стоил? Да, без труда не вынешь и рыбку из пруда. При этом, конечно, иногда бывает очень весело.

Мария вспомнила, как две недели назад она заполняла анкету в рекламном агентстве, которое занималось тем, что продвигало студию Сергеевой во Франции.

Ей ужасно хотелось принять участие в международном вернисаже в Ницце. И чтобы попасть в число приглашенных, пришлось обратиться в дорогое рекламное агентство, которое гарантировало Машке попадание в этот заветный список. Денег было истрачено немало. Нервов тоже.

Вся эта сложная суета требовала невероятных усилий как со стороны самого агентства, так и со стороны жаждущей принять участие в вернисаже в Ницце.

Три месяца Мария жила в подвешенном состоянии, затем ситуация стала проясняться – приглашение она все-таки получит. После длительных электронных и телефонных переговоров было наконец подписано предварительное соглашение. Оставались разные мелкие согласования. Но, как выяснилось чуть позже, еще не все нюансы были оговорены.

Марию вызвали в рекламное агентство и предложили заполнить специальную анкету. Машка растерялась, но тут же подавила в себе страх и отважно принялась за дело.

Слава богу, что анкета была на английском, а не на французском языке. Это значительно упрощало все дело. Хотя упрощало не до конца.

Дело в том, что иностранными языками Мария не владела. «Сколькими языками владеете? Тремями?» – «Да, примерно так».

Английский язык она, конечно, понимает и в исключительном случае может даже объяснить. Что это должен быть за случай, Машка так и не смогла придумать.

Она решила не усложнять и по каждому пункту советоваться с директором рекламного агентства – Димой, который был кровно заинтересован в таком заказчике, как Мария.

Он принимал ее лично в своем офисе и производил впечатление интеллигента, умницы и полиглота как минимум. Очки в тонкой металлической оправе, ухоженная борода и обаятельная улыбка.

– Так, это понятно, имя, фамилия, это я могу, – радовалась Мария. – Дим, а вот написано «джендер», это что, надо подчеркивать? – Машкины брови насупились.

– Мария Юрьевна, это слово означает пол человека: женский или мужской, вы нужное отметьте. Вам подсказать?

– Ну и сволочь вы, Димочка. Нет, подсказывать не надо, «вумен» я знаю, – самоуверенно ответила Машка и продолжила исследование анкеты. Наступила тишина. Мария внимательно вчитывалась в иностранный текст, шевелила губами и молча ставила галочки.

«Так, а вот следующий пункт – „адюлт“. Ну, это мне понятно», – радостно подумала Машка. И размашисто подчеркнула «ноу».

«Конечно, „нет“, и только „нет“, никаких адюльтеров за границей, я же работать еду, а не романы крутить. Вот любознательные иностранцы!»

Так потихоньку Мария добралась до последнего пункта анкеты и облегченно выдохнула:

– Все, все заполнила. Дим, возьми, проверь. – и Машка протянула Дмитрию свою анкету. Он быстро просмотрел результаты напряженной работы Марии и вздохнул.

– Надо переписать, Мария Юрьевна.

– Это почему? – насторожилась Сергеева.

Дмитрий пожал мощными плечами и ухмыльнулся.

– Да у вас тут ошибочка. «Адюлт» переводится как «взрослый человек», и соответственно надо было отметить – «да», а вы отметили – «нет». Следовательно, вы – несовершеннолетняя гражданка и...

– Господи, а я была уверена, что речь об адюльтере. – Бешеный хохот Машки заразил и рекламщика.

Анкета была заполнена повторно и уже без ошибок. Дмитрий собрал все бумаги в папку и обратился к Сергеевой:

– Вот теперь все в порядке. А вы, Мария Юрьевна, не расстраивайтесь.

По пути в свою студию она пришла к выводу, что времени на лингвистику у нее нет совсем.

«Нет времени совершенно. Ничего, прорвемся. Как-нибудь. Существуют же в конце концов, переводчики-синхронисты. У каждого свой хлеб. Сейчас задача номер один – это вернисаж».

Сергеева ошибок не боялась. Как не боялась и смелых цветовых решений. Она экспериментировала ярко и с большой выдумкой. Ее ателье моды пользовалось в Москве среди определенной группы лиц бешеным успехом. Машка рассчитывала на то, что границы этой группы со временем расширятся до самых отдаленных горизонтов. Так все и происходило. Каждый следующий год был удачнее предыдущего.

Сам офис располагался в престижном бизнес-центре. Стены, пол и потолок были окрашены в цвет сливок. Векания «фэн-шуй» были строго учтены и внедрены в интерьер офиса. Замкнутость, открытость и закругленность пространства – там, где необходимо. Отрицательная энергия вычеркивается, а положительная приветствуется.

Светлый дубовый паркет блеснул. Минимум мебели и максимум воздуха. Элегантность и высокий стиль. Дизайн ее офиса полностью соответствовал вкусу Сергеевой и современным требованиям.

Она не столько моделировала одежду, сколько определяла заказчикам их стиль. Иногда он был строг и прост. А иногда – вызывающе ярок. Все зависело от самого человека.

Как правило, клиентами Маши были женщины, и с ними она справлялась легко, впрочем, как и с мужчинами. Мария чувствовала людей на каком-то подсознательном уровне. Она мгновенно определяла для себя, кто, что и как сможет надеть и насколько комфортно будет человеку в данном стиле. Машка практически не ошибалась, ее заказчики всегда оставались довольны ее предложениями.

Красивая, темноволосая, еще вполне молодая дама примеряла строгий офисный вариант костюма. И недовольно хмурила брови.

– Вам, Алина, я могу предложить немного оживить свой стиль. Давайте попробуем завязать голубой платочек на шею. И я вас уверяю, что этот платочек придаст вам некий кокетливый заряд и весьма оживит весь ансамбль. – Марья внимательно осмотрела клиентку в строгой черной юбке и черном пиджаке.

Наверное, бухгалтер. Невыносимо уныло и совершенно печально. Какая красивая женщина, но костюм...

– Кофе не желаете? – секретарша подобострастно улыбалась.

– Пожалуй, да. Черный, пожалуйста. – Заказчица пребывала в задумчивости.

Секретарша подошла к кофеварке, поколдовала немного и налила в крошечную, изящную чашечку ароматный напиток, затем аккуратно пристроила чашечку на поднос и, щеголяя на высоченных шпильках, прошествовала к кофейному столику.

Алина помешала ложкой в чашке и, оттопырив мизинец, поднесла чашку ко рту. Она исполняла роль аристократки в гостях у не столь породистой аудитории. Королева и ее подданные.

Мария скрестила руки в ожидании окончания сцены.

Выпив крепкий кофе, Алина удовлетворенно откинулась на спинку дивана и капризно заявила.

– В принципе мне и самой костюм не слишком нравится. Что-то не то.

Не в правилах Сергеевой было отмалчиваться.

– Алина, дорогая, костюм – блеск, но цветовую гамму необходимо разбавить. На вашей идеальной фигуре костюм смотрится изумительно. Но необходимо оттенить эту строгость, придать ей больше жизни.

Мария взяла в руки нечто невесомое и голубенькое.

– Попробуйте, Алина. Я понимаю, у вас строгий и выдержанный стиль, но, на мой взгляд, он все-таки мрачноват. – Марья уверенно повязала на шею жертвы шелковый прозрачный бледно-голубой шарфик.

Ярко-синие, огромные глаза Алины заискрились. Этот небольшой штрих в виде воздушного шарфика сделал ее неотразимой.

Секретарша расправила весенний букет в вазе и в знак солидарности восхищенно закивала головой.

– Нравится?! – утвердительно спросила Сергеева. – По-моему, просто замечательно.

– Да, наверное. Да. Словно я только что из Парижа. – Алина крутилась перед зеркалом.

Она одернула юбку, погладила себя по плечам и вздернула подбородок. Чтобы поддержать разговор и закрепить успех, Маша решила продолжить светскую беседу.

– А вы там бывали? – любезно осведомилась Мария. Сама Сергеева объездила примерно половину земного шара и к Парижу относилась весьма трепетно.

– О, да. Была несколько лет назад. Так, ничего особенного. Большой город. Ужасное метро. Только магазины симпатичные, но цены – просто кошмар. А Елисейские Поля? Сплошной обман, – капризничала Алина.

– Простите, но я не поняла. Почему Елисейские Поля – сплошной обман, в каком смысле? – Сергеева искренне недоумевала. Где обман, в чем обман?

– Ну как же. Елисейские По-ля. По-ля. А полей-то и нет. Один асфальт. Я была очень и очень разочарована.

Мария скупно улыбнулась, закашлялась и отвернулась к окну, чтобы выдохнуть. Удивительная простота и незамутненность сознания. Есть в названии слово «поля», значит, будьте любезны соответствовать. Н-да, а то нестыковочка получается.

– Вот и славно. Вы можете записаться у секретаря на время, удобное для вас. Всего вам доброго. – Мария проводила Алину и решительно направилась к дивану.

– Вы отправили факс во Францию? – жестко осведомилась Машка у секретарши, прихлебывая черный кофе.

– Да, Мариечка Юрьевна, отправила, – залезбила секретарша Люська, сидящая у компьютера и активно щелкающая кнопками мышки. Главное – четко отрапортовать.

Она отлично знала, как Мария могла расправиться с неугодными сотрудниками. Мария Юрьевна Сергеева с подчиненными была строга и взыскательна. Она не прощала лени, лжи и тупости. Сергеева прощалась с сотрудниками быстро и просто. «Мне бездельники не нужны. Это – работа. И никаких отговорок». Шефиня вызывала уважение, но любили ее немногие.

– Ответ был? И не называйте меня Мариечкой.

– Нет еще. Может, завтра придет?

– Хорошо, Мила. Если меня не будет и придет подтверждение из Франции, сразу свяжитесь со мной и проверьте, вся ли коллекция упакована, – отчеканила Мария.

– Непременно, Мария Юрьевна, обязательно.

Секретарша Мила сладко улыбалась, разглядывая Марию. Мария Сергеева отличалась миниатюрным пропорциональным сложением, сияющими темно-зелеными глазами и пышной копной светло-рыжих волос. С точки зрения Милы, тоненькая, изящная и породистая Мария Юрьевна отличалась совершенно невыносимым характером. Обостренное чувство справедливости Сергеевой не давало расслабиться ни одному сотруднику ее салона. Она постоянно резала правду-матку, какой бы суровой эта правда ни была, нисколько не заботясь о душевном состоянии подчиненного. С другой стороны, Мария не выносила лжи, фальши и излишних фантазий своего штата на любую тему, касающуюся работы.

Мила не сомневалась в своей начальнице. И, конечно, ответ придет, не сегодня – завтра. А главное, существует вероятность того, что и Милу возьмут на Лазурный Берег. Эта возможность подстегивала Милу, и она, как могла, старалась угодить Сергеевой.

Мария надела белую короткую курточку, подхватила крошечный портфельчик и умчалась. Сергеева торопилась к Тоне. Два-три раза в неделю они собирались на кухне у Александровой и обсуждали мировые проблемы и свои личные новости. Неделю назад Машка поскользнулась и упала, при этом она сильно ушибла коленку. Нога побаливала до сих пор, но Сергеева все равно неслась с крейсерской скоростью по пригорку, разделяющему их с Тоней дома, вниз. Машка жила по строгому расписанию. Каждый день и час был расписан и подчинен дисциплине. Поэтому терять время на неторопливый и размеренный шаг она не собиралась.

Мария шагнула в чистенький подъезд, бодро прошла несколько шагов и замерла. В тени на грязном кафельном полу лежал человек. Ее одноклассник Гришка. И лежал он как-то слишком неподвижно.

Умер, что ли? Ужас-то какой! И не дышит.

Машка перекрестилась, охнула и дотронулась до плеча Гриши. Реакции не было. А Гришка был холодный. В голове у Машки помутилось.

– Помогите, – закричала Марья и пулей понеслась по лестнице на восьмой этаж, где жила Антонина Александрова. По пути она вспомнила о лифте, но в запале уже преодолела почти весь путь. Машка нажала на дверной звонок, приплясывая от нетерпения. Дверь распахнулась, и запах подгоревшей картошки заполнил лестничную клетку.

– Извини, Машунь, опять ужин подгорел и... Мария, что с тобой, что случилось, – запричитала Тоня, и нехорошее предчувствие охватило ее.

Сергеева вдохнула и выдохнула несколько раз.

– Там, внизу, в подъезде, Гришка, одноклассник мой, и, по-моему, он того, умер или, может, не умер, но похоже на то. Звони, звони в «скорую», я от волнения вообще ничего не соображаю.

– Уже звоню. Ой, а номер какой: ноль один, ноль два, ноль три? – В критической ситуации Тонька полностью теряла ориентацию в пространстве и времени, а вместо ясной памяти в голове ее случилось сплошное затмение.

– Да звони скорее, не помню я, какой номер, звони по всем. Нет, скорее всего, ноль три.

Машка побежала на кухню, схватила чайник, торопливо налила воду в стакан и залпом выпила. Картошка на плите продолжала свой процесс горения, и Мария, беззвучно ругаясь, выключила газ.

Ладно, Тонька тормозит, но я-то хороша. Бросила Гришку вниз, испугалась, разоралась. Надо немедленно спуститься вниз и действовать. В это время щелкнул входной замок, дверь распахнулась и вошел Владимир Александров – муж Тоньки.

– Привет, девчонка. – Он поцеловал Антонину, одновременно морщась от запаха подгоревшей картошки. – Привет, Маш. Так что я пропустил? Катастрофа? Все живы или умерли? По-моему, у нас что-то подгорело, – заметил Вовка, снимая обувь.

Тоня пожалала плечами и пробормотала:

– Да подгорела немного картошка, но это – ерунда. – Она вопросительно покосилась на Марию.

Сергеева скороговоркой выпалила:

– Там, внизу, в подъезде, Гришка лежит, ты видел? Он жив?

– Какой Гришка, где лежит, в чем дело, наконец? – Владимир искренне удивился. И туман, застилающий его глаза, стал рассеиваться.

– Вов, давай, соображай быстрее. Мария увидела внизу, в подъезде, труп одноклассника Гришки, ну, или не труп, а так – неподвижность полную, у Гришки, я имею в виду.

Владимир задумался и с интересом посмотрел на взволнованных дам.

– Никого внизу нет. Я бы заметил человека.

– Как никого, как это нет! Когда есть, то есть точно был, Гришка там лежит, – закричала Машка.

Александров внушительно помолчал и ответил:

– Никого внизу нет. А почему нет – не знаю. То есть не знаю точно. Возможны варианты. Первый – тебе показалось или привиделось, ну такое временное затмение. Второй – некий Гришка там был, ты его видела, и он исчез, сам или с чьей-то помощью.

С чьей еще помощью, когда все это было минуту назад! Мысль о том, что Машка сошла с ума, Антонина отвергла сразу. Более цельного и практичного человека встретишь редко.

– Вов, затмение исключается, это же Машка видела, а не кто-нибудь.

Сергеева дернула Тоню за рукав старой поношенной кофты и грозно зашипела:

– Пошли вниз, все проверим, и Вовку бери с собой, быстро.

Владимир обреченно вздохнул.

Расслабиться не дадут. Загадочные все-таки существа эти женщины. Мнительные и склонные к истерикам. Трудно с ними спорить, когда они в таком всполошенном состоянии, проще уступить. С одной еще можно справиться, но с двумя не стоит и попробовать. Особенно, если эта вторая – неугомонная Машка, которая всегда и везде была лидером: и в школе, и в институте. Любой спор заканчивался Машкиным триумфом.

Моргнув и зевнув несколько раз, Владимир взял себя в руки и молча вызвал лифт. Троица загрузилась в кабину. Александров молчал. Философский вид, задумчивый отрешенный взгляд мужа всегда сбивали Антонину с толку. Как-то она спросила: «О чем ты думаешь, Вов?» И в ответ услышала незатейливое: «Ни о чем».

Интересно, была ли тема для размышлений у Владимира в данный момент?

Когда они оказались на первом этаже, то увидели, что внизу, в подъезде, никого не было. Маша думала. Рядом топтались Антонина с Вовкой и тревожно переглядывались.

«Так, никого. А был ли мальчик? Мальчик точно был, но исчез. И что все это означает? Беда со мной или с Гришкой – вот что это означает. Придется разбираться. Надо найти Гришку и поговорить с ним, если, конечно, еще не поздно», – лихорадочно соображала Марья.

– Маш, ты убедилась, что здесь никого нет? – сумрачно осведомился Владимир.

– Да, сейчас нет, но я видела Гришку. Он лежал на полу в полной неподвижности, я еще встряхнула его за плечо, и не надо делать круглые глаза. – Машка оправдываться не умела. – Я еще не спатила.

– А почему ты сразу не позвала на помощь? – удивился Александров.

– Я так испугалась и растерялась, что на автопилоте помчалась к Тоньке и даже про лифт забыла, – объяснила Сергеева.

Повисла долгая пауза.

– Вов, ты что думаешь про все это, а? – вышла из оцепенения Тонька и с хрупкой надеждой в голосе обратилась к мужу.

Александров молчал.

– Вов, что скажешь, Вов? – повторила Тоня.

Александров молчал.

– Ну ответь хоть что-нибудь. – Не сдавалась жена.

Машка с интересом наблюдала за монологом подруги.

Владимир помолчал еще минутку и затем изрек:

– Честно говоря, мистикой пахнет, но тебе, Маш, я верю. – Владимир потер щеки. – Наверное, труп унесли. Ладно, пошли домой, там и поговорим, а если повезет, то и поужинаем.

– Нет уж, я лучше домой пойду, а завтра займусь гришкиными поисками. Я его найду.

– Маш, лучше сначала к нам, а потом уж домой. Выговоришься, обсудим все, тебе полегче станет. – Тонька попыталась успокоить подругу. Но попытка провалилась.

– Я не сумасшедшая и я пойду домой. Созвонимся, все, пока. И сон еще этот дурацкий!

– Какой сон? Про президента? – встрепелась Александрова.

– Какой к черту президент! – Машка была в ярости. – Мне про Вольского был сон, что на его даче в Малаховке собрание идет какое-то непонятное, кардиналы воду пьют, в общем, фигня полная, но помню я весь сон отлично.

– Выкладывай.

«Бушевали сирень и одуванчики. Дул ветер. Воздух дрожал. В подмосковной Малаховке открылся дачный сезон.

Тишина на даче Вольских казалась обособленной и неживой. В гостиной у круглого стола, в середине которого был водружен стеклянный графин и стояли стаканы, расположились девять персон.

– Господа, приступим, – заявил номер один.

Он заметно картавил, был мал ростом и весьма несдержан.

Собравшиеся хранили молчание.

Глухо стучали ставни.

Номер два откашлялся, погладил свой пышный белокурый парик и произнес:

– В моем секторе проблем нет. Все идет по плану. Ожидается некоторая перестановка сил, но инструктаж я уже провел.

– А персонал? – сварливо осведомился номер первый. – Не следует так идеализировать людей.

Блондин потер переносицу и мягко возразил:

– Я контролирую весь объем работ и отвечаю за него.

– Отвечаете вы, а отчитываюсь я, – погрозил пальцем первый, подошел к окну, развернулся и удобно устроился в старом разлапистом кресле, в некотором отдалении от остальных восьмерых участников собрания.

– Прошу вас, господа. – Он протянул руку к столу.

Исчезли графин и стаканы, столешниц а ожила и стала медленно вскипать вверх. Из бугристой поверхности столешницы формировались материки, океаны, моря и острова в миниатюрном масштабе. Возникали леса, пустыни, водопады и города.

Живая объемная карта переливалась и подрагивала. Внезапно запульсировал квадрат Юго-Восточной Азии, он увеличился и засиял зеленым.

– Таиланд, цунами, – констатировал номер первый.

Картинка происходящего в Таиланде стала постепенно уменьшаться, затихать и окончательно стала неподвижной.

Потом заалели и ожили Гималаи, Северная и Южная Африка.

– Волнения в Непале, военные действия в Чаде и теракты в Дахабе, – кратко резюмировал первый. – Теперь о приятном: Англия, Испания, Хорватия.

Кардиналы вежливо улыбались.

– Помните о равновесии, господа. На следующей неделе мы передвинем некоторые очаги. Я жду ваших предложений. Тихо, господа, тихо, – удовлетворенно заметил первый, хотя в гостиной уж точно шумно не было.

Внезапно перестали биться ставни. И только потом стих ветер. Наступила тяжелая тишина. Необыкновенная карта исчезла. Стол содрогнулся и принял нормальные очертания. Появились стеклянный графин и стаканы.

Графин на столе дернулся, приподнялся вверх, немного наклонился, и вода полилась в стакан. Стакан подлетел к президенту и застыл в воздухе.

– Спасибо, больше ничего не надо. Благодарствуйте, кардинал, – расслабленно промурлыкал номер первый номеру второму, отпил воды и неожиданно завопил: – Что это за вода? Отвратительный вкус! Кардинал, займитесь этим вопросом, и немедленно, мы здесь задержимся недельки на две.

– Как прикажете, господин президент. – Номер второй сдвинул парик и почесал затылки.

– Я жду от вас объяснений, – обратился президент к смуглому высокому номеру третьему.

– Виноват, господин президент. Вольский не успел уничтожить бумаги, но я полагаю, что эту оплошность еще не поздно исправить, и я уже предпринял некоторые шаги.

– Шаги? Предпринял? А о последствиях вы подумали, уважаемый? – зашипел президент. – Нет уж, позвольте теперь мне предпринять определенные шаги. Придется вам, любезный мой, подменить Вольского денька на два, а его пригласить ко мне на приватную беседу. А теперь позвольте откланяться, коллеги. Расписание наше остается в силе.

Президент с некоторой даже лихостью отсалютовал кардиналам и мгновенно растворился в воздухе.

Граненый стакан звонко упал на пол. Захлопали ставни. Поднялся сильнейший ветер. Небо заволочло тучами, и хлынул дождь».

– Круто, – уважительно крякнула Тонька после того, как Мария закончила свой рассказ. Машка промолчала. Толкнула тяжелую подъездную дверь и вылетела во двор.

В школе Гриша Вольский был отличником. Но лидером не был никогда. Он просто выделялся. Обожал читать запоем, играл на скрипке и фортепьяно, острил и сам же себе залиvisto хохотал. Как и вся его семья, он остро ненавидел коммунистов и весь социалистический строй.

В дружеских компаниях обожал выступать с антиправительственными проповедями. Сергеева отводила его в сторонку и гневно шипела:

– Ты что, совсем рехнулся? Хватит митинговать! Оглянись вокруг и подумай!

Гришка подмигивал в ответ и орал: «Хочу влиться в североамериканские штаты, вперед, в Америку! И если уж очень сложно всей страной влиться в Америку, то бабушка моя предлагает вливаться просто административными округами, кто куда желает!» В ответ на это заявление Марья закатывала глаза и вертела пальчиком у виска неутомимого оратора.

Заканчивались восьмидесятые. Сергеева и Вольский часто встречались, то у Гришки дома, то у Марьи. Иногда Гришка жаловался Марье, что никак не может уговорить свою бабушку дать ему почитать какие-то рукописи. Марья немедленно удивлялась и задавала простой (как колумбово яйцо) вопрос:

– А что, без разрешения никак нельзя, потихонечку?

В ответ Гришка бешено хохотал.

Бабушка была профессором Московского университета, работала всю жизнь и обладала железной волей. Она отличалась какой-то фантастической работоспособностью и все время открывала для себя, семьи и студентов новые горизонты. Бабушка переписывалась с немалым количеством достойных, на ее взгляд, ученых. Но особенно уважала некоего эстонского академика. Академик имел трудно произносимую фамилию и такой же трудный характер.

Гришка всегда переживал за бабушку и был ее верным адептом. Он обожал слушать рассказы о ее трудном военном детстве в российской глубинке.

Бабушка пережила оккупацию и всю жизнь помнила о голоде и холоде, сопровождавших ее детство и юность. Характер у Анны Петровны сложился сильный. Волевой и независимый человек, всю жизнь она работала и практически никогда не жаловалась. Расслаблялась Анна Петровна только на семейных, праздничных сборах после рюмки коньяка. И уж тогда веселее человека было не найти. Она вспоминала свое детство и, громко смеясь, рассказывала о своих подвигах.

«Однажды, когда немцы стали отступать из нашего городка, пронесся слух, что все их склады открыты – бери что угодно и сколько угодно!

Естественно, все наше население, способное как-то передвигаться, ринулось к складам. Я бежала с соседским мальчишкой, моим ровесником, лет девяти-десяти. Мы едва успели схватить и вынести какие-то ящики, первые попавшиеся нам под руку, и естественно, даже представления не имели, что в этих ящиках. Главное, успели. Склад опустошили моментально.

Прибежали мы к большому погребу, вырытому рядом с домом. Погреб был покрыт бревенчатым настилом, мы его сдвинули и быстренько спустились вниз, чтобы вскрыть ящики и рассмотреть, что в них лежит, пока поблизости нет свидетелей. В оккупации как в оккупации, зевать нельзя. Мигом отнимут добычу.

В одном ящике оказалось мыло в виде овальных вытянутых кругляшей, а в другом – какие-то бутылки изящной формы с золотыми наклейками. Недолго думая, мы решили, что это немецкий лимонад, потому что ничего другого в своей жизни пока не видели, и соответственно вылакали несколько бутылок.

Сколько времени прошло, я не знаю. Помню, что лично мне было очень хорошо, весело, помню, что не слышала даже звуков бомбежки, и еще помню, что совсем ничего не боялась.

Наконец, мы ужасно захотели спать и решили выбираться наружу, подняли головы к потолку, а вместо потолка увидели черно-фиолетовое звездное небо. Так, разинув рты и выпучив глаза, и застыли. При бомбежке тяжелую крышку из бревенчатого настила снесло начисто. А мы ничего не заметили. И даже не пострадали.

Конечно, это был не лимонад, а французское шампанское».

Анна Петровна ерошила густые каштановые кудри и радостно смеялась.

«А еще меня в детстве дразнили: „Анка, бей его коромыслом“. Так меня прозвал мой старший брат. Когда он дрался с превосходящими силами противника и понимал, что нуждается в помощи, он кричал мне:

– Анка, бей его коромыслом!

Жили мы тогда в глубинке, воду таскали из колодца, и, конечно, в каждой семье было коромысло.

Дралась я, как Рембо, до первой крови, никогда не отступала и совершенно никого не боялась; закрывала глаза и лупила по морде противников до полного изнеможения. Вся окрестная детвора, хулиганье и отроческая поросль не то чтобы боялись меня, но опасались, как пить дать.

Если я шла по одной стороне улицы, то встречная стайка подростков немедленно переходила на другую сторону во избежание возможного конфликта».

После воспоминаний бабушка расслаблялась и с удовольствием переходила на французское шампанское, которое она уважала, видимо, с тех давних пор.

Весь клан Вольских наслаждался семейными встречами, а больше всех – Григорий. Он всегда умел создать атмосферу праздника и насладиться ею сполна. Он садился к роялю и наигрывал фокстрот, затем стремительно вскакивал и кружился в степе.

Вся семья с удовольствием втягивалась в состояние восторженной радости. Во время грандиозных застолий беседа за столом плавно переходила в бурные политические и экономические дебаты, разбавляемые анекдотами. Взрослые и дети хохотали до колик и спазмов.

Однажды Марья случайно оказалась на таком семейном сходе и с тех пор с удовольствием ждала следующих приглашений.

Вольский был начитанным человеком и обсуждать с ним любые вопросы было для Марьи одно наслаждение.

Во время Гришкиных лекций Машка испытывала необыкновенное просветление, ей казалось, что вот, наконец, она поняла, ухватила суть постулатов теории относительности или теории электромагнитного поля, ее распирало чувство живительной, светлой радости и хотелось сразу же поделиться им с другими.

Но при расставании с Гришкой эйфория от осознания глубины собственного интеллекта мгновенно испарялась. И уже через пять минут Мария не могла внятно озвучить ни одной мысли из только что приобретенных, таких, казалось, простых и понятных истин.

После окончания школы пути их разошлись. Они выбрали разные институты и виделись только на вечеринках выпускников, и то не каждый год.

Ольга посмотрела в зеркало и вздохнула. Лишние килограммы отчетливо проступали на ее фигуре. Ладно, все равно я лучше всех. Если похудеть, то просто жаль окружающих, ослепнут.

Кстати, о здоровье. Ольга поежилась, вспомнив сумасшедшую ворону, напавшую на нее несколько дней назад.

Поздним вечером она возвращалась домой, шла через небольшой парк, окружающий их жилой комплекс. Вдруг откуда-то сверху с диким карканьем на нее налетела огромная ворона и стала атаковать. Сначала Олечка просто остолбенела от удивления: «Ничего себе русский вариант Хичкока». Галкина стала отчаянно отбиваться сумкой. Но ворона не унималась и продолжала бросаться на Олю с громким карканьем, норовя долбануть внушительным клювом.

И Олечка, поняв, что остановить психованную птицу ей не удастся, пустилась бежать, с остервенением размахивая вокруг головы сумкой и все время ускоряясь.

Оказавшись дома и испытывая последствия невероятного стресса, Олечка внимательно рассмотрела себя в зеркале на предмет обнаружения ранений и понемногу успокоилась. Опас-

ных ранений не было. Наверное, кто-то обидел птенцов вороны, и птица решила отомстить людям.

По закону подлости первым человеком, на котором ворона решила отыграться, оказалась Галкина. Рассматривая свои потери в зеркало, Олечка удовлетворенно вздохнула: «Слава богу, никаких следов».

Самое смешное обнаружилось на следующий день. У Олечки пропала или, скорей всего, рассосалась небольшая шишка на ноге, в районе щиколотки. Была и исчезла. Вот такие чудеса. Нет, что ни говори, а права народная мудрость. Что ни делается, все к лучшему.

Ольга застегнула на себе блузку, сразу обтянувшую все валики в районе талии, решительно втянула живот и выскочила из квартиры.

Олечка Галкина давно справлялась с жизнью своими собственными силами. Шесть лет назад умный, красивый, обеспеченный муж Никита ушел к другой. Другая оказалась молодой, стройной, сексуально раскрепощенной женщиной, с которой Никита чувствовал себя гораздо комфортнее.

А Олечка осталась с шестилетним сыном, избыточным весом, причем избыток, по самым скромным подсчетам, составлял килограммов так тридцать, большим запасом любви и симпатичными алиментами в размере пятидесяти условных единиц.

Никита всегда отличался скупостью. Но надо было жить дальше, а как – непонятно. Олечка Галкина оказалась ввергнутой в невероятные страдания.

Помимо скупости, Никите были присущи трезвый, прагматический ум и скудность эмоций. За время совместной жизни Олечка не истратила и лишней копейки.

Она вела строгий учет хозяйственным расходам, лично занималась необходимым мелким ремонтом по дому. На даче ухаживала за волшебным по плодоносности огородом, содержала кур, несущихся ежедневно и без возражений. В конце осеннего сезона она рубила кур, сортировала и замораживала.

Она до беспамятства любила мужа и плыла буксирчиком по волнам его строго размеренной и распланированной жизни.

Ежемесячно Никита выдавал ей весьма скромную, строго определенную сумму денег, которую и суммой-то не назовешь. И Олечка планировала семейный бюджет. Каждый, даже самый мелкий расход записывался в кондуит.

И от каждого расхода требовался подробный отчет в его необходимости. Олечка добросовестно, нет, скорее, ревностно соблюдала все правила игры, объявленной Никитой. А муж гордился своей экономной хозяйкой-женой. Жизнь их проходила в благости, тишине и степенном счастье.

Поэтому неожиданное заявление Никиты о том, что любит он другую и жить намеревается тоже с другой, Оля перенесла тяжело. Кто, когда, зачем, почему, за что? От растерянности и подлой неожиданности тихого заявления мужа Олечка впала в тоску.

Она переживала каждое слово и каждый жест Никиты, она анализировала их, пытаясь найти ответ на единственный вопрос: почему он ушел к другой? Влюбился? А ребенок? А сама Оля? А их дом, полный уюта и комфорта? Неужели он ушел только из-за того, что соперница моложе Олечки на семь лет? Может быть, причина не в этом?

Галкину мучили вопросы, на которые не было ответа. Она не в состоянии была и мысли допустить, что ее родной и любимый Никита полюбил другую. Она и не пыталась вернуть его, а просто жила с постоянной саднящей болью в сердце.

На нервной почве Ольга начала стремительно терять вес. Постилась, посещала бассейн, встречалась с подругами и упорно искала работу. Никита, сострадав бывшей жене, поднапрягся и устроил Олечку на скромную работу – секретарем на домашнем телефоне в небольшую фирму.

Галкина за два года удвоила обороты крошечной компании, при этом продолжая тосковать и скучать по бывшей налаженной жизни. Она сидела дома и изводила себя тревогой и нерастроченной любовью. Все ее многочисленные подруги и приятельницы в один голос твердили: «Тебе надо найти хорошую работу в коллективе». И Олечка решилась.

Примерно через месяц судьба в виде бывшего одноклассника, занимающего внушительный пост в крупной холдинговой компании, улыбнулась ей. Для начала Олечку взяли секретарем и пообещали карьерный рост.

Галкина мгновенно втянулась в рабочий график и также стремительно влюбилась в собственного шефа. В болезненном процессе восстановления к ней вернулись настроение, вкус к жизни и килограммы, но, слава богу, не все. Работа в мужском коллективе, внимание этого коллектива, роман с боссом подействовали на Ольгу благотворно. Она начала выплывать из состояния перманентного горя и все сильнее концентрировалась на работе и на Ленечке, своем шефе.

Ленечка Петрович был хорош собой, умен, вальяжен, практичен и женат. Он сразу оценил трудовой энтузиазм Олечки и ее привлекательность. После продолжительной двухмесячной атаки Ленечка добился полного расположения Оленьки и совершенно растерялся.

Оказалось, что глубина чувств Оли Галкиной превосходила все его самые смелые ожидания. Именно Олечка ощущала себя горячо любимой единственной женщиной Петровича и ничуть не сомневалась в его чувствах.

А Ленечка, с ходу увязнув в необъятной любви Ольги, понял, что совершил крупный промах. Он рассчитывал на легкий необременительный флирт, а получил любовь с обязательствами. На заднем плане маячила Ленечкина жена с двумя детьми. До развязки было далеко.

И Ленечка использовал все известные ему способы охлаждения романтического пыла Олечки. Но Галкина не сдавалась. Она вращалась в любимого все глубже. Петрович заработал диабет. Ольга старательно готовила ему блюда по специальной диете и приносила в офис. Ленечка съедал. Фирма процветала. Ленечка раздражался. Оля ему все прощала.

Она стала незаменимым специалистом и рулила всем процессом торговли фирмы «Медрай».

Сотрудники Галкину недолюбливали. Она была громогласной, самоуверенной женщиной и отчаянно пыталась сделать карьеру. Ленечка карьеру тормозил. Он начинал понимать, что Оля – это надолго.

Когда в штате компании обозначился новый дополнительный и ослепительный директор Григорий Вольский, Олечка поначалу его не оценила. К тому времени она полностью вжилась в роль крупного профессионала и любимой женщины главного шефа конторы – Петровича.

Олечку назначили заместителем нового директора Григория Вольского. И он начал заниматься просвещением своего зама. Ни дня не проходило без удивительных и зажигательных лекций Гриши, которые буквально ошеломляли Галкину. Вольский выступал без перерывов. Философские течения, теория электромагнетизма, НЛЮ, озоновые дыры, проблемы войны и мира, загадки истории, космос...

Постепенно работа и общение с Гришкой стали приносить Оле радость, а главное, полную уверенность в том, что его любимой женщиной она точно никогда не будет.

А в глубине ее души жили страхи и терзали острые желания. Надежда на то, что Петрович разведется с семьей, умирала. Но как-то очень медленно. Олечка жаждала любви, счастья, красивой и стабильной жизни, и конечно, нежного состоятельного мужа.

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна, можно увидеть Григория? – обращаясь к матери Вольского, с ходу затараторила Мария Сергеева.

Татьяна Владимировна удивленно вскинула брови и качнула головой.

– Здравствуй, здравствуй, Машенька. Сколько же мы не виделись? Гришенька в командировке, а вернется примерно через неделю, – улыбалась Татьяна Владимировна. – А что случилось? Какая же ты красавица! Может, зайдешь к нам?

Сергеева решительно вошла в квартиру.

«Ага, в командировке. Ничего себе командировочка. Я чуть сознания не лишилась от его командировочки», – промелькнуло в голове у Машки.

– Да я, собственно, только на минутку. Просто поговорить хотела с Гришей, то есть посоветоваться, а номера его телефона у меня и нет. Вы не подскажете? И вообще, где он работает и как живет?

Татьяна Владимировна внимательно оглядела Машку.

– Проходи в комнату, присаживайся. Боюсь, что за минутку мне не справиться, Машенька. Живет он отдельно, купил два года назад себе шикарную квартиру, а работает в компании «Медрай», эта фирма торгует медицинским оборудованием; заходи, заходи, я тебе продиктую все координаты. Руководит людьми. У него в подчинении больше ста человек. Люди все прекрасные. И у Гришеньки даже есть заместитель.

– Неужели? Очень интересно. А кто его заместитель?

– Олечка Галкина. Совершенно потрясающая женщина. Свободная, самостоятельная, умненькая. А главное, не истощенная, с прекрасным здоровым румянцем.

Татьяна Владимировна с подозрением относилась к худым людям. Она сразу начинала осведомляться о состоянии здоровья стройного человека. Доверия такие люди у нее не вызывали. Татьяна Владимировна была уверена, что недобор массы тела означает тяжелые физические и психические отклонения.

– Он с ней так тесно общается, что я начинаю подозревать нечто большее. Они все время перезваниваются, что-то шумно обсуждают. Олечка даже заходит к нам в гости. А в чем дело, все-таки?

– Да вообще-то ничего особенного. Просто племяннику надо с высшей математикой помочь, доходчиво объяснить кое-что. А Гришенька лучше всех подходит, вот я его и разыскиваю, – с ходу принялась выдумывать Машка. Ничего более правдоподобного в голову ей не пришло.

Надо уходить, Вольская ничего не знает. Пора смываться, а то начнутся вопросы, которым не будет конца.

– Диктуйте телефоны, Татьяна Владимировна, я запишу, и спасибо вам огромное, вы меня так выручили.

Марья записала номера телефонов и, попрощавшись, ушла.

Из задумчивости ее вывела трель мобильного.

– Аллю!

– Маш, привет. Это я, Тоня. Как дела? Ты еще жива? Что-нибудь выяснила? – затараторила Антонина.

– Выяснила только телефоны Гришкины. Рабочий и домашний. Он, оказывается, отдельно от родителей живет, в собственной квартире. Работает в компании «Медрай», что-то там связанное с медицинским оборудованием. Надо туда ехать и задавать вопросы, только под каким соусом, я еще не решила.

– В какой, какой компании? «Медрай»?

– Настрой звукоприемники. Да, «Мед-рай», – по слогам отчеканила Марья.

– Господи, так там же Галкина работает. Помнишь, я тебе рассказывала о ней. Воля к победе у нее несгибаемая. Она – подруга моя закадычная. Давай я ей позвоню и предупрежу о твоём приходе. Оля с удовольствием тебе поможет. Она тебе расскажет все, что знает.

– Отлично. Позвони ей, пожалуйста, и предупреди о моем приходе. Между прочим, эта Оля – Гришкин заместитель и от этой Оли маман Вольского просто в восторге. Но сначала я должна прозвонить все телефоны. – Машка торопилась закруглить разговор.

Александрова оказалась чуткой женщиной.

– Ладно. Пока. Звони мне с новостями.

Прозвонив все телефонные номера и убедившись в полном отсутствии какой-либо информации, Марья решила навестить компанию «Медрай» и эту потрясающую Галкину.

Она задумчиво брела по улице. Дома Гришки нет. На работе тоже нет. Никто ничего определенного не знает. Все расплывается и исчезает. Гришки нет нигде. Ни дома, ни на работе. Родители его уверены, что он в командировке. На работе уверены, что он в отгуле.

Я же не уверена, что он еще жив. И вообще, подозрения у меня тяжелые и дурные. Но какие-то нечеткие, размытые.

Надо съездить к нему на работу и поговорить с этой Олечкой Галкиной, то-то ее Гришина матушка нахваливала.

– Здрасьте, – весело крикнула Марья, желая обратить на себя внимание.

Не обратить внимание было сложно. Во-первых, ярко-фиолетовые слаксы. Во-вторых, оглушительно розовая футболочка, расшитая драгоценными самоцветами внушительных размеров. На ногах – белые лодочки, украшенные сиреневыми, со спичечный коробок, хрустальями. Шея, руки и пальцы в золоте.

– Здрасьте, – ответил ей нестройный хор сотрудников «Медрая», немного обалдевших от этакой красоты.

– Мне необходимо поговорить с Ольгой Галкиной, могу я ее увидеть?

– Ольга Николаевна сейчас занята, но вы можете подождать ее, – защебетала секретарша, жадно вглядываясь в Марию.

«Фирменные шмотки. Высший пилотаж! А духи? Что это за запах? Интересно, настоящее это золото на руках? И зачем ей понадобилась Галкина? Вот уж точно ничего общего.

– Будьте так любезны, передайте Ольге Николаевне, что ее ждут, – с нажимом произнесла Марья.

«Что же они так вылупились на меня? Странные люди, ей-богу». Марья подбоченилась и выставила вперед крохотную ножку.

Секретарша, не отрывая оценивающего взгляда от посетительницы, вызвала Галкину в приемную.

– Опаньки, это вы ко мне? – завопила Олечка.

Мария удивленно вскинула брови. Мужской напор Гришкиной знакомой заинтриговал ее. Настоящая русская красавица, только косы не хватает.

– Да. Мне необходимо поговорить с вами и лучше бы наедине. Вам Антонина должна была позвонить и предупредить. Меня зовут Мария.

– Поняла, просто Мария, да? – захохотала Галкина и закашлялась. – Тонька звонила, но я толком ничего не поняла, надеюсь, что вы проясните мне ситуацию. И давай на «ты».

– Договорились. – Марья улыбалась.

– Хорошо, Мария. Дамы и господа, у меня приватная беседа, прошу не беспокоить. Пошли, Мария, поговорим. Кстати, и покурим. Я надеюсь, ты куришь?

Марья кивнула. Стремительность Галкиной пришлась ей по душе. А то время утекало, а результатов не было.

Олечка внимательно слушала Марию. Просто невероятно. Гришка – обаятельный, доверчивый, необыкновенный Гришка – исчез? Разве так бывает?

– Послушай, Маш, я тебе, конечно, верю, но звучит все это неубедительно. Как-то надуманно, что ли? Григорий взял отгулы и, как я понимаю, отправился в дальний вояж. А на работе должен появиться дней через десять.

Галкина энергично почесала затылок, потерла шею и добавила:

– Может, это он сам тебя разыграл? Знаешь, притворился трупом, а потом быстренько слинял. Хотя на него это не похоже. Слишком тупая шутка для него. А главное, откуда он узнал, что ты пойдешь к своей подруге, во сколько ты пойдешь, значит, знал адрес Тоньки. Нда, что-то уж очень глупо.

Они уставились друг на друга. Марья нервничала.

– Оля, поверь мне. Я действительно видела его. Потом он исчез. И его нигде нет. Я не страдаю галлюцинациями. Я хочу его найти и успокоиться.

Галкина тяжело вздохнула:

– Тонька меня предупредила, что ты нормальная. А Гришка вообще-то человек умный и способности у него фантастические. Но валяться в подъезде, на полу? Очень странная картина! Хотя от этих его способностей меня в дрожь иногда бросает, несмотря на то, что я женщина не робкого десятка. Улавливаешь?

– Пока нет. Ты лучше про способности объясни, пожалуйста. Рассказывай, Оль, не томи.

– Ладно. Только не надейся и не рассчитывай, что это мои выдумки. Недели две назад мы праздновали день рождения Леонида Петровича, нашего шефа, в ресторане. – Галкина перевела дух. – Маш, давай присядем, а то я весь день на ногах.

– Куда?

– На подоконник, не дрейфь, он чистый. У нас уборщица классная.

Женщины уселись на подоконник и Галкина, закурив очередную сигарету, продолжила.

– И эту Гришкину демонстрацию видели все: и сотрудники, и приглашенные. Кстати, и брательник Гришкин двоюродный или троюродный – Илларион Игнатьев.

– Да о чем ты, какая демонстрация? – заорала Машка, притопывая ногами от нетерпения. Олечкины длинноты ее раздражали.

– Ты на меня не ори. Я и так волнуюсь. В ресторане мы все сидели, естественно, выпили, закусили. Потом танцевали. Песни пели. Веселились ужасно.

– Я сейчас тебя ударю, – Машка уже не орала, она шипела.

– Настроение было отличное, – невозмутимо продолжала Олечка, – выпили все, конечно, крепко, и тут вдруг Гришку понесло. Поднимается он с бокалом, поздравляет Ленчика, цветисто так поздравляет, желает имениннику добра всякого. А потом и говорит: «А не хочешь ли ты, Леонид Петрович, стать президентом?» Ну, Ленчик смеется, конечно, и отшучивается. А Гришка с напором таким и вроде уже с обидой в голосе продолжает, что, мол, может сделать так, что дальнейшая карьера Ленчика будет необъяснимо прекрасной. И что он, Гришка, может в принципе любому человеку судьбу изменить в любую сторону. Много еще чего он может, а если кто не верит, так он прямо здесь и сейчас продемонстрирует свои возможности. Ну и так далее.

Тут уж, ясно, все в нашей компании аж задрожали от удовольствия. Ну и смеются над Гришкой. А он совершенно озверел да как крикнет: «Не верите – хорошо. Я вам докажу! Вот видите, картина висит на стене. Илларион, будь другом, подойди к ней, проверь, прочно она закреплена?»

Илларион сначала отнекивался, а потом все-таки проверил. «Отлично, – говорит, – все держится».

«А теперь внимание, – вопит Гришка. – Сейчас эта картина упадет, отойдите все от нее подальше. Смотрите». И руку протягивает в сторону картины.

И в этот момент картина с грохотом падает, а на стене образуется кривая трещина от потолка до пола.

Галкина откашлялась и достала следующую сигарету.

– Ну, все сделали вид, что шутка у Гришки получилась очень смешная. Только администрация ресторана потом Ленечке Петровичу счетчик выставила. За ремонт. Да такой, что, мама не горюй.

Машка покрутила головой, задумалась и после небольшой паузы протянула:

– Подожди, я не поняла. Так что, ваш шеф отказался стать президентом?

– Господи боже мой, Мария, да каким еще президентом! Ему бы с фирмой справиться. Он у меня нервный и чуткий. А тут президентство. Нет, не потянет.

Галкина внушительно затянулась сигаретой и продолжила:

– Ну а Гришка после этой демонстрации ушел. Я потом пыталась его разговорить, а он делал круглые глаза и вопил: «Что, Оля, замуж хочешь выйти? Ты только скажи».

– А ты что в ответ? – заинтересовалась Марья.

– Да дура была, сглупила, отказалась. Сказала, что сама все могу. А теперь вот думаю, зря отказалась. Зря. Сейчас имела бы мужа. Одной совсем непросто жить. Иногда такая тоска накапывает. Хоть бы денег, что ли, заказала... Идиотка!

– Да. Надо было, конечно, соглашаться. А больше ты ничего у него не узнавала? – пытала Марья.

– Конечно. Я от него не отходила. А он в ответ напевал: «Читай, анализируй, делай выводы, Олечка, ты уже большая девочка. И станешь еще лучше, Олечка». А когда, спрашивается, мне читать и анализировать? Некогда мне.

А потом, как-то раз вечером, когда все уже разошлись, мы с ним сели на работе, выпили коньячка Шустовского. И Гришку понесло. Ну, он и рассказал про формулу Вселенной. Он, оказывается, вывел ее. Формулу, то есть. Я ничего не поняла. Только помню, что похожа она на бутылку шампанского.

Взрыв какой-то, появление времени – как материи какой-то. Только не спрашивай, что взорвалось и почему. Лично я ничего не поняла. Поняла только, что очень тупая я. А когда я про картину и про его способности необыкновенные стала выпрашивать, что Гришка в ресторане демонстрировал, то он еще про какой-то Союз Девяти мне начал голову морочить.

Что-де есть такая теория. Управляют миром девять человек, и власть у них огромная. И полномочия огромные. Избираются они на определенный срок. Кем избираются – не знаю, и не спрашивай. Вот этот Союз и определяет, где быть войне, где быть миру, где – пожарам, где – цунами, где – переворотам, где – извержениям вулканов.

Правят они миром. А еще у них есть представители, вроде послов, этих послов они сами выбирают. Дальше – еще круче.

Этим послам – каждому в отдельности – поручают управлять всем земным шаром в течение определенного срока, от одной недели до месяца, и следить за обстановкой в целом. При этом послы эти наделяются необыкновенными способностями и огромными возможностями. Но, говорит, это только теория. Одна из многих. Конечно, я сразу решила, что если Союз этот существует, то Гришка в него входит. Видимо, там президентов и назначают. А может, не назначают. Вот как весело получается. И туманно очень.

Машка присела на корточки, потом вскочила и нервно стала вышагивать по коридору.

– Ага, Союз Девяти. Неограниченная власть и возможности, ограничен только срок. Фантастика. Стругацкие. И еще предметы двигает. Чушь какая-то. Совершенно в духе Гришки. Не складывается у меня ничего. Где он сам-то?

Олечка закатила глаза. А Марья недовольно пожала плечами.

– Ты меня только запутала. Ну ладно. А этот брат Илларион, что за человек? Приближен ли он к Гришкиной персоне? А?

– Насколько приближен, не знаю, но беседовали и хохотали они долго, это я сама видела еще в ресторане.

– Так. Значит, он мне нужен. Как его найти, Олечка?

«Ишь, какая быстрая. Но помочь надо». Галкина задумалась.

– У меня идея, – объявила Ольга. – В пятницу банкет – десять лет фирме. Каждый работник имеет право привести с собой одного человека. Я приглашаю тебя. Приходи. Илларион обязательно будет. У него с Петровичем общие финансовые махинации. Приходи, я тебя и познакомлю.

– Спасибо, Олечка, спасибо. Я обязательно приду, – откликнулась Сергеева.

Ранняя весна и предчувствие скорого лета делали воздух слегка звенящим, словно в преддверии надвигающейся какофонии. Птицы уже с громким щебетанием бестолково планировали в небе.

Галкина подставила лицо солнцу и зажмурилась от удовольствия.

Светло-голубые джинсы, коричневый джемпер в зелено-красных звездочках и синих квадратах, желтая курточка и здоровый румянец. Просто глаз не оторвать.

Возможно, в этом соцветии и присутствовал некоторый перебор, но Галкина не привыкла комплексовать. А это главное.

До работы можно было добраться несколькими способами. С помощью метро, автобуса и активной пробежки, в любом случае, испортив себе настроение. А можно было поймать машину и остаться в хорошем настроении. Оля выбрала последний вариант.

Серый «седан» мягко затормозил. Стекло опустилось, и Оля заглянула в салон.

– До Тульской, пожалуйста, сто пятьдесят.

– Садитесь.

Мужчина говорил с мягким акцентом и немного хрипел. Интересный какой акцент. И тембр приятный. Вот и поговорим. Весна, погода, настроение. И машину быстро поймала. Все замечательно. Наступила белая полоса в жизни.

Галкина исподтишка метнула взгляд на водителя. Хищный профиль и густые коротко стриженные волосы. Она расстегнула куртку до конца и поправила волосы.

– Торопитесь, девушка?

– Нет, не тороплюсь. Я всегда с запасом на работу выезжаю.

– А что за работа?

Олечка всегда общалась с удовольствием, но в данный момент ее прямо-таки распирало желание поделиться своими успехами. Молчание обычно давалось ей с трудом.

– Отличная. Я старший менеджер и заместитель директора. И зарабатываю я прекрасно, но все равно не хватает. Тяжело одной растить ребенка. Муж был, да сплыл. И уплыв, пятьдесят баксов алиментами считает.

Олечка покосилась на водителя. Интересное лицо, даже, можно сказать, красивое, умное. Широкие плечи – просто блеск. Улыбается.

– Сколько же лет вашему сыну?

– Пятнадцать исполнилось.

– Не может быть. Вы такая молодая. – Он хитро прищурился.

– Да уж скоро сорок стукнет мне, – с некоторым удовольствием призналась молодая.

Такой милый человек.

Она покосилась на римский профиль и ринулась в атаку.

– А вам сколько лет, интересно?

– Я немного старше вас и тоже одинок. – Он покивал головой.

– Пардон, но про личную жизнь я не спрашивала. А дети у вас есть?

– Нет детей. Жены нет. Ах, да. Вы же про личную жизнь не спрашиваете.

Он разговаривал с ней чуть насмешливо и немного важно.

Оля начинала волноваться. Жены нет. Детей нет. Машина отличная. Акцент интересный. Внешность приятная. Возраст – чудесный. И на нищего не тянет. Тянет на приличный достаток.

В голове ее молниеносно забрезжили кадры из голливудских сказок. Солнце, небо, дом, лужайка, собака, горничная, сервировка на белоснежной скатерти. Нет, стоп. Горничной не надо. Она вспомнила красотку Дженифер Лопес. От таких знойных дамочек лучше держаться подальше. Ну ее, эту горничную. Пусть будет мажордом, или как там он называется.

– Меня зовут Анатолий. Могу я узнать, как вас зовут?

«Н-да, имечко, конечно, не ахти. Подкачало имя. Но главное – человек, а не имя», – мысленно поморщилась Галкина.

– Можете. У меня красивое, а главное, редкое имя – Ольга.

– Послушайте, Ольга. Давайте встретимся. Поговорим. Сходим поужинать. Надеюсь, вы не откажетесь? Я человек положительный.

– Не знаю. Наверное, нет, то есть да, не откажусь. Давайте встретимся.

– Телефончик свой оставьте, – гипнотизировал даму Анатолий.

Затем он протянул Ольге свою визитку и записал ее телефон.

– Вот и приехали. Теперь я знаю, где вы работаете.

– А я знаю номер вашей машины.

Анатолий быстро выскочил из машины и распахнул дверцу с ее стороны.

– Прошу вас, Ольга, и до встречи.

– Всего хорошего, Толя.

Галкина округлила глаза.

«Господи, еще и дверцу открыл, как же мне пережить-то все это. Нокаут.

А впереди настоящее свидание. Меня пригласили поужинать. Надо будет заранее перекусить!

Я польщена и сражена наповал. Хотя чему удивляться, естественная реакция со стороны мужчины со здоровым вкусом. Очень даже естественная.

Сейчас в офисе рассмотрю его визитку. В машине это делать было как-то неудобно. В голове опять сверкнули лужайки, полянки и шезлонги.

Куда ж меня несет все время? Вот, подавай миллионера».

Олечка победоносно ворвалась в офис.

– Итак, что там у нас? Ага, вот послушай, Денечка, – Томочка Шурова начала с выражением зачитывать текст из маленькой брошюры:

«Фронтально-акцепитальная (лобно-затылочная коррекция) цель – активизация стволовых структур мозга и межполушарного взаимодействия, ритмирование правого полушария, энергетизация мозга, визуализация позитивной ситуации. Одна ладонь – на затылке, другую положить на лоб, закрыть глаза и подумать о любой негативной ситуации. Сделать глубокий вдох – паузу – выдох – паузу, мысленно представить себе ситуацию еще раз, но только в положительном аспекте. Обдумать и осознать то, как можно было бы данную проблему разрешить.

После появления синхронной «пульсации» между затылочной и лобной частью самокоррекция завершается глубоким вдохом – паузой – выдохом – паузой. Упражнение выполнять от тридцати секунд до десяти минут – до возникновения синхронной пульсации в ладонях».

Денис Орлов вздрогнул.

С утра пораньше и такие ужасы.

– Что это? Что это было?

– Это было пособие для родителей. Нам в садике раздали. Это пособие для родителей и детей. Велено прочесть и изучить. – Тамара веселилась. – Хочешь, я тебе еще прочту?

– Ни за что, – Денис рубанул рукой по воздуху.

– Да ладно тебе, вот послушай, как надо выполнять упражнения:

«Упражнение выполняйте с подключением однонаправленных движений языка; глаза и язык вправо – вдох, пауза, глаза и язык влево – вдох, пауза, в исходное положение – выдох, пауза и так далее, – триумфально закончила чтение Тamarочка и обратилась к мужу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.